ЗИГМУНД ФРЕЙД
ФРАГМЕНТ АНАЛИЗА ИСТЕРИИ
(ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ДОРЫ) (1905 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

После длительных колебаний я все же пошел на то, чтобы выдвинутые мною в 1895 и 1896 годах утверждения о патогенезе истерических симптомов и о психических процессах при истерии подтвердить подробным сообщением истории болезни и лечения. Тут я не могу обойтись без предисловия, которое, с одной стороны, оправдывает мои действия в разных направлениях, а с другой стороны, оно должно удовлетворить ожидания публики.

Конечно, рискованно то, что я публикую результаты исследования, и именно настолько сильно поражающие и неприятные, что проверка со стороны коллег окажется просто невозможной. Но не менее опасно и то, что сейчас я начинаю делать доступным для всеобщего разумения особый материал, из которого мною получены те результаты. Я никак не смогу обойти упреки. Если ранее этот упрек проявлялся в том, что я совершенно ничего не сообщаю о моих больных, то теперь он будет гласить, что я сообщаю о моих пациентах то, чего нельзя сообщать. Я надеюсь, что и в том, и в другом случае недовольными окажутся те же самые лица, которые, используя новый предлог, только поменяют содержание своего упрека, и заранее отказываюсь когда-либо в будущем лишать этих критиков слова.

Публикация моих историй болезни все еще остается для меня трудно решаемой задачей, хотя я уже и не огорчаюсь более из-за этих неразумных недоброжелателей. Эти трудности частично вызваны технической стороной лечения, частично же они исходят из сущности самого заболевания. Если верно то, что причина истерических заболеваний лежит в интимной психосексуальной жизни больного и что истерические симптомы являются проявлением самых тайных, вытесненных желаний этих пациентов, то объяснение какого-либо клинического случая истерии не может быть ничем другим, как только открытием этих интимных переживаний и разгадкой этих тайн. Конечно же, эти больные никогда бы не заговорили, если бы им пришло в голову, что существует возможность научной оценки их признаний. Так же верно и то, что совершенно тщетно испрашивать у них самих позволения на публикацию. Обычно деликатные и робкие лица ставили бы в таких условиях на передний план обязанность врача сохранять тайну и высказывали бы сожаление из-за того, что при этом ученые вынуждены лишиться своей разведывательной функции. Но я полагаю, что врач берет на себя не только обязанности по отношению к отдельному больному, но и к науке. И к науке это, по своей сути, ничего другого не означает — как отношение ко многим другим

больным, которые уже страдают от того же или еще будут страдать. Публичное сообщение того, что знают о причине и структуре истерии, становится обязанностью, а упущение — позорной трусостью, если при этом, конечно, можно избежать нанесения прямого вреда конкретному больному. Я считаю, что сделал все, чтобы исключить такой ущерб по отношению к моей пациентке. Я нашел человека, чья драма разыгрывалась не в Вене, а в расположенном в стороне небольшом городе. Таким образом, личность моей пациентки должна быть полностью не известна для Вены. С самого начала я настолько тщательно сохранял тайну лечения, что только один единственный, совершенно достойный доверия коллега мог знать о том, что девушка была моей пациенткой. После завершения лечения я выжидал еще четыре года возможности публикации, пока я не услышал об изменении в жизни пациентки, которое позволило мне считать, что ее собственный интерес к рассказываемым здесь событиям и душевным процессам мог бы теперь поблекнуть. Само собой понятно, что здесь не встретится ни одного имени, которое бы могло кого-либо из читателей, не принадлежащих к медицинскому кругу, навести на следы реальных людей. Впрочем, публикация в строго научном профессиональном журнале должна быть защитой от такого некомпетентного читателя. Естественно, я не могу воспрепятствовать тому, чтобы сама пациентка не ощутила мучительное чувство неловкости, если по какому-то случаю в руки ей попадет ее собственная история болезни. Но она не узнает из нее ничего более того, что она уже знает. Но можно поставить и вопрос, кто другой по этой истории болезни может догадаться, что речь идет о ее личности.

Я знаю, что имеется (по крайней мере, в этом городе) много врачей, которые — с достаточным отвращением — хотят прочесть одну из таких историй болезни не в качестве вклада в исследование психопатологии неврозов, а как один из предназначенных для их увеселения романов, в котором разоблачаются реальные люди. Этот род читателей я могу заверить, что все мои несколько позднее написанные истории болезни будут защищены от их проницательности подобными же гарантиями тайны. Но из-за таких устремлений я вынужден необычайно сильно ограничивать материал, находящийся в моем распоряжении.

В этой истории болезни, в которую я вынужден внести ограничения в связи с врачебной обязанностью сохранять тайну и из-за неблагоприятного стечения обстоятельств, со всей откровенностью будут обсуждаться сексуальные отношения, своими действительными именами будут называться органы и функции половой жизни. Целомудренный читатель на основе моего повествования может легко прийти к убеждению, что я не постыдился беседовать с юной персоной женского пола об этой тематике на таком языке. Вероятно, я должен теперь защищаться и от такого упрека. Но я просто прибегаю к праву гинекологов (или, скорее, намного скромнее, чем это) и объясняю как проявление одного из признаков перверзной и странной похотливости то, что кто-то должен

предположить, что такие разговоры являются хорошим средством для возбуждения или удовлетворения сексуальных вожделений. В остальном я склоняюсь к желанию передать мое мнение об этом несколькими словами Рихарда Шмидта («Вклад в исследование индийской эротики», предисловие, 1902 г.): «Конечно, плачевно, что такие протесты и заверения должны занять место в научном труде, но не упрекайте меня за это, а обвините дух времени, в котором мы счастливо дошли до того, что теперь больше нет ни одной серьезной книги, которая была бы тесно связана с нашей жизнью».

Теперь я сообщу, каким образом в этой истории болезни я преодолел технические трудности, связанные с представлением сообщения. Такие трудности являются очень большими для врача, который должен проводить ежедневно шесть или восемь таких психотерапевтических лечений и не может даже делать заметки во время сеанса с больным, чтобы не пробудить этим недоверие больного и не помешать себе полностью охватить поступающий материал. Для меня все еще нерешенной проблемой является и то, каким образом мог бы я подготовить для сообщения историю лечения, продолжавшегося достаточно долго. В предъявляемом здесь клиническом случае на помощь мне пришли два обстоятельства: первое, то, что длительность лечения не превышала трёх месяцев, второе, что все объяснения группируются вокруг двух рассказанных в середине и в конце курса лечения снов, дословный сюжет которых записывался непосредственно после сеанса, и которые оказались надежной опорой для последующего переплетения толкований и воспоминаний. Саму же историю болезни я записал по памяти только после завершения курса лечения, поскольку мое воспоминание оставалось еще свежим, а в связи с интересом к публикации, — обостренным. Поэтому эта запись не абсолютно — фонографически — верна, но все же может притязать на высокую степень достоверности. В этой истории болезни ничего другого, что было бы существенно, не изменено, разве только то, что в некоторых местах поменялась последовательность объяснений, что я сделал из любви к логичности изложения. Сейчас я хочу подчеркнуть то, что можно найти в этом сообщении и что в нем опущено. Вначале эта работа носила название «Сновидение и истерия», так как она казалась мне особенно подходящей для того, чтобы показать, каким образом толкование сновидений включается в историю лечения и каким образом от такой помощи выигрывает работа по восстановлению забытого и объяснению симптомов. Не без основательных причин в 1900 г. я заранее предпослал кропотливое и глубокое исследование сновидений в задуманных мною публикациях по психологии неврозов («Толкование сновидений»). Конечно, и по тому, как ее приняли, можно увидеть, с каким недостаточным еще пониманием относятся коллеги к таким усилиям. При этом не обоснован упрек, что мои позиции из-за скудности материала не позволяют прийти к убеждению, опирающемуся на дополнительную проверку. Ведь каждый может для аналитического исследования привлечь

свои собственные сны, а технику толкования снов легко изучить на основе данных мною указаний и примеров. Я должен сегодня, как и прежде, утверждать, что неизбежным условием для понимания психических процессов при истерии и других психоневрозах является углубление в проблемы сновидения, и что никто не имеет возможности продвинуться в этой области даже лишь на несколько шагов, если он хочет избежать такой подготовительной работы. Таким образом, в связи с тем, что чтение этой истории болезни предполагает знание толкования снов, оно окажется чрезвычайно неудовлетворительным для каждого, кто не владеет этим знанием. Он будет только неприятно ошеломлен, вместо того, чтобы найти в ней изыскиваемое объяснение и, конечно же, будет склонен проецировать причины этого неприятного изумления на автора, принимаемого за фантазера. В действительности такое неприятное изумление связано с проявлениями самого невроза; понимание скрыто от нас только из-за нашей врачебной привычки и вновь появляется при попытке объяснения. Полное устранение недоразумений было бы, конечно, возможно только тогда, когда бы нам удалось всецело объяснить невроз факторами, которые нам уже известны. Но все говорит в пользу того, что мы, наоборот, при изучении невроза получаем стимул для принятия и понимания многого нового, что позднее постепенно может стать предметом надежных знаний. Новое всегда пробуждает неприятное изумление и сопротивление.

Было бы ошибочно думать, что сновидения и их толкование во всех психоанализах занимают такое же большое место, как в этом примере.

Если предлагаемая история болезни и предпочитает уделять большое внимание сновидениям, то в других пунктах она является более скудной, чем мне бы этого хотелось. Но как раз эти ее недостатки связаны с теми условиями, благодаря которым появилась возможность ее публикации. Я уже сказал, что я не смог бы справиться с материалом какой-либо истории лечения, которая простирается более чем на один год. Эту же всего лишь трехмесячную историю можно узреть сразу всю целиком и заново вспомнить; но ее результаты остались неполноценными в нескольких пунктах. До поставленной цели лечение не было доведено, а было прервано по желанию пациентки, когда был достигнут определенный промежуточный результат. К этому времени мы еще совершенно не приступили к некоторым загадкам клинического случая, а другие прояснили не полностью. Продолжая же работу, мы, наверняка бы, проникли во все пункты, вплоть до последнего возможного объяснения. Таким образом, я могу предложить здесь только фрагмент анализа.

Возможно, что читатель, который знаком с представленными в «Этюдах об истерии» техниками анализа, удивится тому, что за три месяца не нашлось возможности довести до полного исчезновения хотя бы те симптомы, за которые уже энергично взялись. Но это станет понятно, если я сообщу, что со времен «Этюдов» психоаналитическая техника

испытала фундаментальный переворот. Прежде наша работа исходила из симптомов и ставила своей целью их последовательное устранение. В последнее время я полностью отказался от этой техники, так как нашел ее совершенно не соответствующей тончайшей структуре неврозов. Теперь я позволяю самому больному определять тему ежедневной работы и, следовательно, отталкиваюсь от той плоскости, на которой бессознательное открывается его вниманию. Но тогда я получаю то, что неразрывно связано с самим симптомом, в виде отдельных разорванных кусочков, вплетенных в различные комбинации и распределенных на широко расходящемся отрезке времени. Несмотря на этот кажущийся недостаток, новая техника во многом превосходит старую и, несомненно, является единственно возможной.

Ввиду незавершенности моих аналитических результатов мне не остается ничего другого, как следовать примеру тех исследователей, которым повезло настолько, что им удалось из вековой забытости извлечь бесценные, хотя и исковерканные, остатки древности. Я дополнил это незавершенное по лучшим образцам, известным мне по у другим анализам, но, как и совестливый археолог, не упускал возможности в каждом случае показать, где мои конструкции аутентичны.

Другой вид незавершенности я намеренно создаю сам. В общем-то, я не показал работу по истолкованию, которая совершается относительно ассоциаций и сообщений больного, а привел только ее результаты. Таким образом, техника аналитической работы, не касающаяся сновидений, приоткрывается только в некоторых местах. В этой истории болезни я старался показать лишь детерминацию симптомов и внутреннее строение невротического заболевания. Если бы одновременно я попытался выполнить и другие задачи, то это вызвало бы только неустранимую путаницу. Для обоснования же технических, чаще всего эмпирическим путем найденных правил необходимо было бы, наверное, собрать материал из многих историй лечения. Между тем, можно считать сокращение, вызванное сокрытием техники, не особенно большим. Даже о труднейшей части техники не могло быть речи при работе с этой больной, так как фактор «переноса», о котором будет речь в конце истории болезни, во время этого короткого лечения не затрагивается.

За третий вид незавершенности этого сообщения не несут вины ни больная, ни автор. Напротив, само собой понятно, что одна единственная история болезни, даже если она завершена и никаких сомнений не вызывает, не может дать ответ на все вопросы, которые встают в проблеме истерии. Одна история болезни не может выявить все типы заболевания, все формы внутренней структуры невроза, все возможные при истерии виды связей психического и соматического, а по справедливости, так от одного клинического случая и нельзя требовать большего, чем он может дать. Также и убеждение в общей и исключительной практичности психосексуальной этиологии истерии тот, кто все еще не

смог в это поверить, вряд ли сможет получить его посредством ознакомления с одной историей болезни. В лучшем случае он отсрочит свое мнение до тех пор, пока сам своей собственной работой не приобретет право на убеждение.

Дополнение (1923 г.)

Описываемое здесь лечение было прервано 31 декабря 1899 г., сообщение о нем написано в течение 2 последующих недель, но опубликовано лишь в 1905 году. Не стоит ожидать, что более чем за два десятилетия продолжающейся интенсивной работы не должно было ничего измениться в понимании и способах представления такого клинического случая, но очевидно, что было бы абсолютно бессмысленно доводить эту историю болезни корректурами и расширениями «up to date»[1], приспосабливая ее к сегодняшнему состоянию нашего знания. Итак, основной текст я оставил без изменений, а только исправил в тексте небрежности и неточности, на которые обратили мое внимание мои великолепные английские переводчики мистер и миссис Strachey. То, что мне показалось допустимым критически дополнить, я привел в дополнениях к истории болезни, так что читатель вправе считать, что и сегодня я прочно придерживаюсь представленных в тексте взглядов, если в добавлениях он не найдет никакого возражения. Проблема сохранения врачебной тайны, которая занимала меня в этом предисловии, не рассматривается в других историях болезни, находящихся в томах VII, VIII и XII моего «Общего собрания трудов» (Gesammelte Werke), так как три истории болезни опубликованы после получения согласия самих лечащихся, а у маленького Ханса — с согласия отца, в одном же случае (Шребер) объектом анализа являлся вообще не человек, а выпущенная им книга. В случае же Доры тайна сохранялась вплоть до этого года. Недавно я услышал, что уже давно исчезнувшая из моего поля зрения девушка заболела вновь, но уже по другим причинам. Она открыла своему врачу, что девушкой была объектом моего анализа, и такое признание позволило сведущему врачу легко узнать в ней Дору 1899 года. То, что три месяца прежнего лечения не достигли ничего большего, как только устранения тогдашнего конфликта, что лечение не смогло добиться также и иммунитета по отношению к последующим заболеваниям, ни один справедливый человек не бросит в упрек аналитической терапии.

I. СОСТОЯНИЕ БОЛЕЗНИ

В опубликованной в 1900 году моей книге «Толкование сновидений» я доказал, что

[1] Соответствующий духу времени.

сновидения обычно можно истолковать, что они могут замещаться образцово оформленными мыслями, легко вводимыми в известных местах в душевную связь. На последующих страницах моей новой книги я хочу привести пример того единственного практического применения, которое, по-видимому, допускает искусство толкования снов. Я уже упоминал в моей книге («Толкование сновидений», 1900 г.), каким образом я вышел на проблему сновидений. Я обнаружил ее на моем пути, когда старался лечить психоневрозы при помощи особого метода психотерапии, в котором больные наряду с другими событиями из их душевной жизни сообщали мне сновидения, которые, по-видимому, стремились вплетать в уже сотканные взаимосвязи между симптомом заболевания и патологической идеей. Тогда я и научился тому, как нужно без всякой на то посторонней помощи переводить язык сновидения на понятные нам способы работы языка нашего мышления. Я решительно утверждаю, что это познание абсолютно необходимо для психоаналитика, так как сновидение представляет собой один из путей, по которым может осознаваться тот психический материал, который, в силу противодействия вызываемого содержанием сновидения, оттесняется от сознания, вытесняется и становится поэтому патогенным. Короче говоря, сновидения являются одним из окольных путей для обхода вытеснения, одним из основных средств так называемых косвенных способов проявления в психическом. То, каким образом способствует толкование сновидений психоаналитической работе, должен показать теперь предлагаемый нами фрагмент из истории лечения истерической девушки. Одновременно он должен дать мне впервые повод в уже не вызывающей недоразумений широте публично представить часть моих взглядов на психические процессы и органические условия истерии. За такую широту подхода, мне, пожалуй, не нужно больше извиняться, с тех пор как повсеместно признается, что за громадными претензиями, которые истерия предъявляет врачу и исследователю, можно поспевать лишь с заинтересованным углублением в проблемы, а не с надменной недооценкой таковой. Конечно,

«Искусность и наука здесь важны,
Но и терпение
Живет в творении!»

Предлагать читателю не знающую пробелов и гладко завершенную историю болезни, значило бы помещать его с самого начала в совершенно другие условия, чем те, которые имел наблюдающий врач. То, что обычно сообщают родственники больного (в данном случае отец 18-летней девушки), часто представляет очень смутный образ течения болезни. Хотя затем я начинаю лечение с просьбы к самому пациенту рассказать мне всю историю жизни и болезни, и то, что я слышу в ответ, еще не достаточно для полной ориентации. Этот первый рассказ можно сравнить с непроходимым для судов потоком, где дно — то выложено

грудами из скал, то разделено песчаными отмелями. Я могу лишь удивляться тому, что у некоторых авторов возникли лощеные и точные истории болезней истериков. В действительности же больные просто не способны давать о себе сведения такого свойства. Хотя пациенты могут достаточно хорошо и связно информировать врача о том или другом периоде их жизни, несколько позднее все равно наступает момент, когда их сведения становятся поверхностными, оставляя по себе пробелы и загадки, а в другой раз вообще стоишь перед совершенно темным периодом времени, в котором все полностью непонятно, несмотря на любые пояснения пациента. Взаимосвязи, даже самые очевидные, чаще всего разорваны, последовательность различных событий ненадежна, во время самого рассказа больной, повторяясь, изменяет какой-либо факт или дату, а затем после долгих колебаний, например, опять возвращается к тому, что сказал уже ранее. Неспособность больных к связному изложению своих историй жизни, поскольку те совпадают с историями болезни, является не только характерной для неврозов, но не лишенной и большого теоретического значения. [Однажды один из моих коллег передал мне для психотерапевтического лечения свою сестру, которая, как он сказал, годами безуспешно лечилась из-за истерии (боли и нарушения ходьбы). Эта краткая информация казалась полностью соответствующей диагнозу: на первых сеансах я позволил самой пациентке рассказать ее историю. Так как ее рассказ, несмотря на намечаемые в нем занимательные факты, оказался совершенно ясным и логичным, то я сказал себе, что этот случай не может быть истерией. Непосредственно после этого я провел тщательное соматическое исследование. Результатом было диагностирование умеренно прогрессирующего табеса[2], существенное улучшение в картине которого произошло затем после ртутных инъекций (Ol. cinereum, проведенных профессором Lang)]. Отсутствие у больных связности в изображении личной жизни имеет следующее обоснование. Во-первых, больные сознательно и намеренно скрывают часть того, что им хорошо известно и что они должны были рассказать, из-за еще не преодоленных до конца робости и стыда (сдержанности, если в истории появляются и другие значимые лица); это — часть сознательной неоткровенности. Во-вторых, во время этого рассказа безо всякого сознательного умысла скрывается часть анамнестических сведений, которыми больные обычно свободно располагают: это — часть бессознательной неоткровенности. В-третьих, можно всегда обнаружить действительные амнезии, провалы в памяти, причем, стираются не только старые, но даже совершенно новые впечатления; можно выявить ложные воспоминания, которые вторично образуются для затушевывания таких провалов. [Амнезии и ложные воспоминания стоят во взаимодополняющих друг друга отношениях. Там, где

[2] Сухотка спинного мозга (лат.)

выявляются большие пробелы памяти, всегда натыкаешься на какие-нибудь ложные воспоминания. Как и наоборот, последние могут на первый взгляд полностью скрыть наличие амнезии.] Где все же само событие удалось сохранить в памяти, там то же самое намерение, которое вызывает амнезию, проявляется посредством устранения связи. А связь эта наиболее уверенно разрывается, если меняется временная последовательность событий. Последняя постоянно оказывается и наиболее уязвимой, наиболее часто подвергаемой вытеснению, составной частью в кладовой памяти. Некоторые воспоминания находятся, так сказать, еще в первой стадии вытеснения, на них лежит налет сомнения. А какое-то время спустя сомнение это заместилось бы забыванием или ложным воспоминанием. [При предъявлении чего-то с налетом сильного сомнения, как нас учит полученное на опыте правило, можно полностью пропустить мимо ушей высказанное мнение рассказчика. Если же повествование колеблется между двумя высказываниями, то считают верным скорее первое, а второе — продуктом вытеснения.]

Одним из таких состояний воспоминаний, относящихся к истории болезни, является необходимый, теоретически требуемый коррелянт в симптомах болезни. Позже в ходе лечения больной привносит то, что он утаивал или что ранее ему просто не приходило в голову, хотя он и знал это всегда. Ложные воспоминания оказываются непрочными, пробелы в воспоминании заполняются. Только лишь в конце лечения может появиться сама по себе последовательная, понятная и совершенная история болезни. Если практическая часть лечения нацелена на устранение всех возможных симптомов и замещение их осознанными мыслями, то другой, теоретической целью работы можно поставить излечение больного от всех ущербностей памяти. Обе цели совпадают: если достигается одна, то выиграна будет и другая; один и тот же путь ведет к обеим.

Из природы вещей, образующих материал психоанализа, следует, что в наших историях болезней мы должны в такой же степени уделять внимание чисто человеческим и социальным отношениям больных, как и соматическим данным и симптомам болезни» Прежде всего, наш интерес обращается к семейным отношениям больного, а к другим отношениям, как это будет далее видно, только в том случае, если они как-то связаны с выявляемой наследственностью.

Семейный круг 18-летней пациентки охватывал ее родителей и брата, который старше неё на полтора года. Доминирующей персоной был отец, вследствие его ума и качеств характера, а также его жизненных обстоятельств, которые образовали как бы помост для истории детства и болезни нашей пациентки. В то время, когда я взялся лечить девушку, это был мужчина во второй половине пятого десятка лет, с совершенно необычайной живостью и одаренностью, очень состоятельный фабрикант. Дочь была привязана к нему с особой нежностью, и ее преждевременно пробудившаяся критичность пробудила тем более сильный

негативный импульс к некоторым его действиям и качествам.

Эта ее нежность была, кроме того, усилена из-за многих тяжелых заболеваний, которым был подвержен отец, начиная с шестого года её жизни. В то время его заболевание туберкулезом послужило поводом к переезду семьи в один из небольших, климатически более благоприятных, городов наших южных провинций. Легочное заболевание сразу пошло на убыль. Но и в последующие приблизительно десять лет из-за необходимой предосторожности этот городок, который далее я буду обозначать Б., оставался основным местом проживания родителей и детей. По временам, когда ему бывало хорошо, отец отсутствовал, посещая свои фабрики. Для середины лета всегда подыскивался какой-либо высокогорный курорт.

Когда девочке было примерно 10 лет, из-за отслоения сетчатки отцу стало необходимо лечение темнотой. Последствием этого заболевания стало так и оставшееся у отца плохое зрение. Самое же серьезное заболевание произошло примерно два года спустя. Оно состояло в припадке помешательства, к которому затем присоединились проявления паралича и легкие психические нарушения. Один из его друзей, чья роль позднее еще будет нас занимать, побудил тогда же лишь немного поправившегося больного поехать вместе со своим врачом в Вену, чтобы проконсультироваться у меня. Некоторое время я колебался в том, не следует ли мне допустить существование у него паралича, вызванного сухоткой, но затем я все же решился на диагноз диффузного сосудистого поражения, а после признания больным наличия у него специфической инфекции до брака, предпринял сильное противосифилитическое лечение, в результате которого еще остававшиеся нарушения были полностью устранены. Вероятно, такому счастливому вмешательству я должен быть благодарен за то, что четырьмя годами позднее отец представил мне свою ставшую явно невротичной дочь, а через два последующих года передал ее для психотерапевтического лечения.

Тем временем в Вене я познакомился и с несколько более старшей сестрой пациента, у которой я вынужден был признать одну из тяжелых форм психоневроза без характерных истерических симптомов. Эта женщина умерла после переполненной несчастьями брачной жизни при не до конца проясненных обстоятельствах от быстро прогрессирующего маразма.

Старший брат пациента был холостяком-ипохондриком; иногда я встречал его.

Девушка, которая стала моей пациенткой в 18 лет, с незапамятных времен отдавала свои симпатии отцовскому семейству, а после того, как она сама заболела, видела свой идеал в упомянутой тете. У меня также не вызывало никакого сомнения и то, что она, как по своей природной одаренности и раннему интеллектуальному развитию, так и по болезненным предрасположенностям, принадлежала этому семейству. Мать я так никогда и не увидел. По информации, полученной от отца и девушки, я мог создать себе представление, что она мало

образованная, но, прежде всего, неумная женщина, которая, особенно после заболевания мужа и последовавшего затем отчуждения к нему сконцентрировала все свои интересы на домашнем хозяйстве и, таким образом, представляла собой образ того, что можно бы было назвать «психозом домохозяйки». Без малейшего понимания живых интересов своих детей, она целый день занималась наведением порядка и поддержанием чистоты в квартире, на мебели и приборах в такой сильной степени, что это делало почти невозможным их использование или получение от них удовольствия. Здесь никак нельзя обойти молчанием то, что такое состояние, намеки на которое можно достаточно часто найти у всех домохозяек, чем-то напоминает формы навязчивости, связанные с мытьем или другими мероприятиями чистоплотности; но все же у таких женщин, как и у матери нашей пациентки, полностью отсутствует осознание болезни, а в этом, как раз, и существенная примета «невроза навязчивости». Отношения между матерью и дочерью уже годами были очень недружелюбными. Дочь не замечала матери, жестко критиковала ее и практически полностью уклонялась от какого-либо влияния с ее стороны.

[Я не стою на той простой точке зрения, что единственной причиной в этиологии истерии является наследственность. Но я хотел бы как раз в связи с более ранней публикацией в ««Revue neurologiue» (1896),в которой я преодолел такую однозначность, не пробуждать видимости того, что я недооцениваю фактор наследственности в этиологии истерии или даже вообще считаю его излишним. В случае с нашей пациенткой имеется вполне очевидная болезненная отягощенность, исходя уже из того, что сообщено об отце и его сестре. Конечно тот, кто считает, что болезненные состояния, подобные тому, которые имеет мать, невозможны без наследственной предрасположенности, посчитал бы наследственность в этом случае конвергентной. Мне кажется более значительным для наследственной или лучше сказать конституциональной предрасположенности девушки другой момент. Я уже упомянул, что до брака отец перенес сифилис. А поразительно большой процент моих психоаналитически подопечных происходит от отцов, которые страдали табесом, или параличом. Вследствие новизны моего терапевтического метода на мою долю выпадали только тяжелейшие случаи, когда больные в течение ряда лет лечились безо всякого успеха. Табес, или паралич, родителя любой приверженец наследственного учения может принять за указание на имевшую место сифилисную инфекцию, которая в некотором числе случаев была установлена мной у таких отцов. В последней дискуссии о потомстве сифилитиков (XIII Интернац. Медицинский конгресс в Париже 2-9 августа 1900 года, доклады Finger, Tamowsky, Jullien и др.) я не заметил упоминания того факта, признать который заставляет меня мой опыт невропатолога. А именно: что сифилис родителей может с большой вероятностью приниматься во внимание как этиологический фактор для невропатической конституции детей.]

Единственный, на полтора года старший брат девушки ранее был для нее идеалом, а многие из его амбиций она просто переняла. В последние годы отношения брата и сестры ослабели. Молодой человек, насколько только можно, пытался уклониться от семейной смуты. Там, где он все же должен был принять чью-либо позицию, он стоял на стороне матери. Таким образом, обычная сексуальная притягательность отца и дочери, с одной стороны, матери и сына — с другой, сблизили их еще теснее.

Наша пациентка, которой отныне я буду давать имя Дора, уже в возрасте восьми лет проявляла нервные симптомы. Тогда ее болезнь проявлялась непрерывным припадкообразно нарастающим удушьем, которое появилось впервые после небольшой горной прогулки и потому объяснялось переутомлением. Это состояние в течение полугода постепенно исчезло в результате навязанных ей покоя и мер предосторожности. Домашний врач, по-видимому, ни одной минуты не колебался в диагнозе чисто нервного расстройства и исключения органических причин, но очевидно и то, что он считал установленный им диагноз не противоречащим этиологии, объясняющей все переутомлением [О возможном поводе для этого первого заболевания смотри ниже].

Малышка перенесла обычные детские инфекционные болезни без всяких осложнений. Как она (многозначительно намекая) рассказала, начинал обычно болеть брат, причем у него болезнь имела легкий характер, а после этого уже следовало ее заболевание с тяжелыми проявлениями. В двенадцать лет у нее возникли мигренеобразные, односторонние головные боли и припадки нервного кашля, вначале всегда возникавшие совместно, а затем постепенно оба симптома разделились, и каждый получил свое собственное развитие. Мигрени стали реже и в шестнадцать лет полностью исчезли. Припадки же нервного кашля, которым вероятно дал повод обычный катар, сохранялись все время. Когда она в восемнадцать лет пришла ко мне на лечение, то в последнее время она кашляла особым характерным образом. Число таких припадков невозможно было установить, длительность же их составляла от трех до пяти недель, однажды даже несколько месяцев. В первой половине такого припадка, по меньшей мере, в последние годы, наиболее тягостным симптомом было полное отсутствие голоса. Диагноз, касающийся невротической природы этих симптомов, был уже давно установлен. Разнообразные общепринятые виды лечения, даже гидротерапия и локальная электризация, не имели никакого успеха. Ребенок, выросший в таких условиях, незаметно превратился в зрелую, очень самостоятельную в суждениях девушку, привыкшую к тому, чтобы высмеивать усилия врачей, и, в конце концов, вовсе отказавшуюся от любой медицинской помощи. Впрочем, она уже с незапамятных времен сопротивлялась любым попыткам проконсультироваться у врача, хотя и не питала никакого отвращения к личности их домашнего доктора. Любое предложение, связанное с возможностью проконсультироваться у нового врача, вызывало ее сопротивление, и прийти

ко мне ее заставило только властное слово отца.

Впервые я увидел ее шестнадцатилетней в начале лета, обремененной кашлем и хрипотой. Уже тогда я предложил психическое лечение, от которого потом отказались, так как и этот несколько дольше затянувшийся припадок прошел спонтанно. Зимой следующего года она после смерти любимой тети находилась в доме дяди и его дочери и заболела здесь лихорадкой. Это болезненное состояние было тогда диагностировано как аппендицит. А в ближайшую затем осень семья окончательно оставила курорт Б., так как, по всей видимости, здоровье отца позволяло это. В начале переселились в местечко, где находилась фабрика отца, а годом позднее прочно осели в Вене.

Тем временем Дора превратилась в цветущую девушку с интеллигентными приятными чертами лица, но для родителей она все же создавала кучу проблем. Главным признаком ее болезни были дурное настроение и изменения в характере. Очевидно, что она была недовольна собой, близкими. Своего отца она встречала недружелюбно и вообще больше не переносила присутствия матери, которая хотела каким-нибудь образом привлечь ее к домашним делам. Она пыталась избегать общения. Насколько усталость и рассеянность, на которые она жаловалась, могли позволить, она занималась слушанием докладов для дам и серьезной учебой. В один из дней родители испугались до ужаса, обнаружив на письменном столе (или внутри него) письмо девушки, в котором она прощалась с ними, так как не могла больше выносить такую жизнь. [Это лечение, а также и мое видение Взаимосвязи событий в истории болезни, как я уже сообщал, осталось лишь фрагментарным. Поэтому в некоторых пунктах я вообще не могу дать никаких сведений, а высказываюсь лишь намеками или предположениями. Когда на одном из сеансов речь зашла об этом письме, девушка удивленно спросила: «Как же они нашли письмо? Оно ведь было заперто на ключ в моем письменном столе». Но так как она знала, что родители прочитали этот набросок прощального письма, я посчитал, что она сама его подсунула им в руки.]

Немалая осведомленность отца позволила ему догадаться, что у девушки вовсе не было серьезного намерения совершить самоубийство, но эта история настолько потрясла его, что однажды после незначительной перепалки между отцом и дочерью, когда у последней возник первый припадок с потерей сознания, а затем и амнезия, было принято решение несмотря на ее сопротивление, что она пойдет ко мне на лечение. [Я считаю, что в этом припадке наблюдались также и судороги, и делирий, но так как анализ не дошел до этого события, я не располагаю каким-либо надежным воспоминанием пациентки на этот счет.]

История болезни, которую я сейчас набросал, вероятно, в целом покажется не заслуживающей внимания. «Неполноценная истерия» вместе с самыми обыденнейшими соматическими и психическими симптомами: диспноэ (одышка), нервный кашель, афония, ну еще мигрени, к тому же дурное настроение, истерическая неуживчивость. Конечно,

опубликованы и более интересные истории болезни истериков и даже очень часто тщательно исследованные. Но даже то, что касается стигм кожной чувствительности, ограничений поля зрения и тому подобного, не может продвинуть нас далеко. Я позволю себе только одно замечание, что все эти находки редких и удивительных проявлений истерии не смогли нам донести чего-то существенного в познании этой все еще загадочной болезни. Чего мы не делали, так это как раз объяснения ее наиболее привычнейших и наиболее частых типичных симптомов. Я был бы удовлетворен, если бы обстоятельства позволили мне на этом примере малой истерии дать полное объяснение. На основании моего опыта с другими больными я не сомневаюсь в том, что моих аналитических средств достаточно для этого.

В январе 1896 года, вскоре после публикации моих с доктором И. Бройером «Этюдов об истерии» я спросил одного выдающегося коллегу его мнение о представленной в них психологической теории истерии. Он ответил напрямик, что считает ее необоснованным обобщением выводов, которые могут быть справедливы только для немногих определенных случаев. С того времени я во множестве наблюдал разные случаи истерии. С каждым из них я занимался днями, неделями или годами и ни в одном из этих случаев не отсутствовали те психические условия, которые постулировали «Этюды», а именно, психическая травма, конфликт аффектов и, что я добавил в позднейшей публикации, затронутость сексуальной сферы. Нельзя, конечно, в этих вещах, ставших из-за их стремления скрываться патогенными, ожидать, что больные смогут их открыть врачу или довольствоваться первым «Нет», когда пациент, таким образом, противится серьезному исследованию. [Здесь один пример к последнему высказыванию. Один из моих венских коллег, чье убеждение в незначительности сексуальных факторов для истерии было, вероятно, очень прочно, решился в работе с четырнадцатилетней девочкой с постоянной истерической рвотой на мучительный вопрос, не имела ли она любовную связь. Ребенок ответил «Нет», вероятно, еще и с хорошо разыгранным удивлением и возмущением рассказал об этом в своей привычной манере матери: «Подумай только, этот дурак меня даже спросил, не влюблена ли я». Затем она пришла ко мне на лечение и оказалась — конечно же, не сразу в первой беседе — многолетней мастурбаторшей с сильным Fluor albus[3] (которые имели много схожего с рвотой). Со временем это прошло само собой, но в абстиненции она мучилась от сильнейшего чувства вины, так что все несчастья, выпадавшие на долю семьи, она расценивала как божественное наказание за свои прегрешения. Кроме того, она находилась под впечатлением от романа ее тетки, внебрачную беременность (вторая причина для

[3] Обильные белые выделения из влагалища (бели), без примесей крови (лат.)

рвоты) которой, по-видимому, удалось счастливо утаить. Хотя она и считалась «абсолютным ребенком», все же выяснилось, что она посвящена во все существенные детали сексуальных отношений.]

В работе с моей пациенткой Дорой я, благодаря (уже несколько раз упомянутому) пониманию отца, не вынужден был самостоятельно искать привязку симптомов к жизненным событиям, по меньшей мере, того, что касалось последнего формирования болезни. Отец сообщил мне, что он, как и вся его семья, во время проживания в Б. находился в тесной дружбе с одной супружеской парой, которая поселилась там несколькими годами ранее. Госпожа К. заботилась об отце во время его тяжелой болезни и посредством этого приобрела непреходящее притязание на его благодарность. Господин К. был постоянно очень любезен по отношению к его дочери Доре, совершал с ней прогулки, когда бывал в Б., дарил ей маленькие подарки. Отец все же никогда не находил в этом чего-то худого. За двумя маленькими детьми супружеской пары К. Дора ухаживала самым тщательнейшим образом, одновременно, как бы замещая им мать. Когда два года назад летом отец и дочь посетили меня, они как раз собирались в гости к господину и госпоже К., которые проводили летний отпуск на одном из наших альпийских озер. Дора должна была несколько недель погостить в доме К., а отец хотел через несколько дней возвратиться назад. Господин К. тоже был в эти дни дома. Но когда отец собирался к отъезду, девушка неожиданно с необычайно сильной решимостью заявила, что она тоже уезжает с ним, и она действительно этого добилась. Только несколько дней спустя она дала объяснение своему странному поведению. Она многое рассказала матери для того, чтобы посредством нее получить дальнейшее покровительство отца, а именно, что господин К. на одной из прогулок по озеру отважился сделать ей любовное предложение. Обвиняемый, у которого при первой возможности потребовали объяснений, самым упорным образом отрицал свою вину и сам начал подозревать девушку, которая, по рассказам госпожи К., проявляла интерес лишь к сексуальным вещам и даже читала в их доме на озере «Физиологию любви» Мантегацци и тому подобные книги. Вероятно, она просто перегрелась от такого чтения и «вообразила» себе всю ту сцену, о которой она рассказывает.

«Я не сомневаюсь, — сказал отец, — что это событие вызвано дурным настроением Доры, ее раздраженностью и мыслями о самоубийстве. Она добивается от меня того, чтобы я прекратил общение с господином и, особенно, с госпожой К., которых ранее она почти обожествляла. Но я не могу разорвать эти отношения, так как, во-первых, считаю сам рассказ Доры о безнравственном предложении этого мужчины простой фантазией, которую она выдумала, а во-вторых, я связан с госпожой К. честной дружбой и не хочу причинять ей боль. Эта бедная женщина очень несчастлива со своим мужем, о котором я вообще не лучшего мнения. Она очень измучена и видит во мне единственную опору. При моем

состоянии здоровья я, наверное, не нуждаюсь в том, чтобы уверять Вас, что за таким поведением не прячется ничего недозволенного. Мы лишь два бедных человека, которые поддерживают друг друга участием, насколько это возможно. Что я ничего не испытываю в присутствии своей собственной жены, Вам уже известно. Но Дору, которая имеет такую же упрямую голову, как я, невозможно отвести от ее ненависти к К. Последний ее припадок был после одного из разговоров, в котором она опять выдвинула мне то же самое требование. Попытайтесь теперь. Вы, вразумить ее».

Не совсем полностью в согласии с таким признанием стояло то, что в других своих речах отец пытался сместить главную вину с невыносимой сущности своей дочери на мать, чьи именно качества портили весь дом. Но я уже давно привык к тому, что необходимо отсрочить мое мнение о действительном положении вещей до тех пор, пока я не услышу и другую сторону.

Таким образом, в переживании, связанном с господином К., — в любовном предложении и последующем затем оскорблении чести— заключалась для нашей пациентки Доры психическая травма, которую в свое время Бройер и я выдвинули в качестве неизбежного предварительного условия для возникновения истерического болезненного состояния. Но этот новый случай показал мне и все оставшиеся трудности, которые с тех пор постоянно побуждали меня выйти за пределы прежней теории, особенно, ввиду трудностей нового рода. [Я действительно осуществил это, не отказываясь от старых взглядов, то есть я считаю их сегодня не ложными, а просто неполными. Отказался же я лишь от выделения так называемого гипноидного состояния, наступающего у больного вследствие травмы и берущего на себя обоснование всех других патопсихологических явлений. Если в совместной работе позволительно предпринять уже задним числом раздел собственности, то я хотел бы здесь сказать, что понятие «гипноидное состояние», в котором некоторые специалисты хотели бы видеть ядро нашей работы, появилось исключительно по инициативе Бройера. Я считаю чрезмерным и ошибочным разрушение ясности проблемы, касающейся психических процессов при образовании истерических симптомов, посредством употребления такого термина.] Но известная нам психическая травма в истории жизни никогда, что так часто видно в историях болезни истериков, не достаточна для объяснения своеобразия симптомов, для их детерминации. Много ли мы узнали бы об имеющейся психической определенной закономерности, если бы следствием травмы были какие-то другие симптомы, а не нервный кашель, афония, дурное настроение. Позже выясняется, что часть этих симптомов — кашель и безголосие — существовали у больной уже годами до травмы. А первые их проявления, вообще, относятся к детству, так как они появились на восьмом году жизни. Итак, если мы не хотим отказаться от травматической теории, то мы должны дойти в нашей работе до детства, чтобы отыскать там те влияния и впечатления,

которые могут действовать аналогично травме. И тогда по праву достойно внимания то, что и исследование случаев, где нервные симптомы появились гораздо позже детства, побуждали меня исследовать историю жизни вплоть до первых детских лет [См. мою работу «К этиологии истерии», Wiener klinische Rundschau 1896, Nr. 22—26].

После того как были преодолены первые трудности в курсе лечения, Дора рассказала мне о более раннем переживании, связанном с господином К., которое даже лучше подходит для того, чтобы проявиться в качестве сексуальной травмы. Тогда пациентке исполнилось 14 лет. Господин К. договорился с нею и своей женой, что дамы после обеда должны прийти в его магазин на центральной площади Б., чтобы оттуда наблюдать церковное торжество. Однако он побудил свою жену остаться дома, отпустил приказчиков и, когда девушка вошла в магазин, был там один. Когда подошло время церковной процессии, он попросил девушку подождать его у дверей, пока он опустит роликовые жалюзи. Затем он возвратился и вместо того, чтобы выйти в открытую дверь, неожиданно прижал ее к себе и запечатлел поцелуй на ее губах. Вероятно, этой ситуации было достаточно, чтобы у 14-летней целомудренной девочки вызвать яркое ощущение сексуального возбуждения. Но в этот момент Дора ощутила сильную тошноту, вырвалась и, минуя этого мужчину, помчалась к лестнице и далее по ней к выходу из дома. Тем не менее, общение с господином К. продолжалось; никто из них ни разу не упомянул эту маленькую сценку, и она даже намеревалась сохранить ее в тайне вплоть до исповеди на лечении. Впрочем, в последующее время она избегала любой возможности оставаться с господином К. наедине. Супружеская пара К. договорилась тогда совершить многодневную поездку, в которой должна была участвовать и Дора, но после поцелуя в лавке она отказалась, не приводя никаких доводов.

В этой, по счету второй, а по времени более ранней сцене, поведение четырнадцатилетнего ребенка уже в общем и целом истерично. Любую личность, у которой какой-либо повод к сексуальному возбуждению вызывает в основном (или даже исключительно) чувство неудовольствия, я, не раздумывая, рассматривал бы как истеричную, никак не учитывая того, способна ли она образовывать соматические симптомы или нет. Объяснение механизма такого извращения аффекта все еще остается наиболее значительной, как и труднейшей задачей психологии неврозов. По моему собственному мнению, я еще нахожусь в самом начале пути к этой цели. А в рамках этого сообщения я даже из того, что знаю, могу представить лишь часть.

Случай нашей пациентки Доры еще не полностью характеризуется исходя из извращения аффекта, здесь произошло смещение ощущения. Вместо генитальных ощущений, которые у здоровой девушки при этих обстоятельствах [признание таковых обстоятельств будет облегчено последующим объяснением], конечно же, не могут отсутствовать, у нее появляются ощущения неудовольствия, которые принадлежат

слизистой оболочке входа в пищеварительный канал — тошнота. Конечно, на эту локализацию повлияло раздражение губ поцелуем; но я думаю, что здесь можно признать действие и другого фактора. [Других случайных причин тошноты Доры из-за этого поцелуя, конечно, не было. Они бы, несомненно, были упомянуты. К счастью, я знаю господина К.. Это то самое лицо, которое привело отца пациентки ко мне, еще моложавый мужчина приятной наружности.]

Ощущавшаяся тогда тошнота не стала у Доры хроническим симптомом. Даже во время лечения тошнота проявлялась лишь в виде легких намеков, пациентка плохо ела и призналась в легком отвращении к пище. А та сцена оставила по себе другую реакцию, галлюцинацию-ощущение, которая время от времени повторялась вновь во время ее рассказа. Она говорила, что и сейчас еще ощущает давление в верхней части туловища от того объятия. По определенным правилам формирования симптомов, которые мне были известны в связи с другими, иначе не объяснимыми качествами больной, когда, например, она не могла пройти мимо ни одного мужчины, если видела его стоящим во время бурного или нежного разговора с дамой, я создал для себя следующую реконструкцию развития событий в той сцене. Я считаю, что в том бурном объятии она ощутила не только поцелуй на своих губах, но и давление эрегированного члена на своем теле. Это непристойное для нее восприятие было устранено из памяти, вытеснено и замещено безобидным ощущением давления на грудную клетку, которое приобрело свою чрезмерную интенсивность за счет вытесненных источников. То есть новое смещение с нижней части тела на верхнюю. [Такие смещения предпринимаются не только, например, с целью этого единственного объяснения, но они оказываются неизбежным условием для целого ряда симптомов. С тех пор тот же самый ужасающий результат объятия (без поцелуя) я нашел у одной ранее нежно влюбленной невесты, которая обратилась ко мне из-за внезапного охлаждения к ее суженому, наступившего на фоне тяжелого дурного настроения. Здесь без особых трудностей удалось объяснить испуг посредством воспринятой, но устраненной из сознания, эрекции у мужчины.] Эта навязчивость в ее поведении была сформирована таким образом, словно исходила из какого-то неизвестного воспоминания. Она не может пройти мимо ни одного мужчины, у которого замечает сексуальное возбуждение, так как она боится вновь увидеть его соматические проявления.

Здесь заслуживает внимания то, что три симптома (тошнота, ощущение давления на верхнюю часть тела и боязнь увидеть мужчину при нежном разговоре) происходят из одного и того же переживания. И только при тщательном сопоставлении всех этих трех признаков возможно понимание процесса формирования симптомов. Тошнота соответствует симптому вытеснения эрогенной (избалованной посредством инфантильного сосания, как мы еще услышим) зоны губ. Давление эрегированного члена, вероятно, имело своим последствием

аналогичное изменение на соответствующем женском органе, клиторе, а возбуждение этой второй эрогенной зоны посредством смещения было зафиксировано на одновременном ощущении давления на грудную клетку. Боязнь мужчин, находящихся в сексуально возбужденном состоянии, вероятнее всего появляется в соответствии с механизмом образования фобии, чтобы предохранить себя от нового появления вытеснение переживания.

Чтобы доказать возможность именно такого взгляда, я осторожнейшим образом расспрашивал пациентку о том, не известно ли ей что-нибудь из телесных признаков возбуждения на теле мужчины. Ответ гласил: на сегодня да тогда же как она считает, нет. В работе с этой пациенткой я с самого начала наиболее тщательным образом старался не навязывать ей каких-нибудь новых знаний в области половой жизни. И все это вовсе не по этическим соображениям, а потому что я хотел на примере случая с этой пациенткой подвергнуть тщательной проверке выдвинутые мною гипотезы. Таким образом, какую-нибудь вещь я лишь тогда называл ее собственным именем, если наличие слишком явных намеков с ее стороны позволяло мне считать мое объяснение очень рискованным предприятием. Ее быстрые и правдивые ответы постоянно заканчивались тем, что ей это все давно известно, но загадка, откуда же она все знает, не могла быть решена посредством ее воспоминаний. Она забыла появление всех этих знаний (см. второй сон).

Если я попытаюсь представить себе ту сцену с. поцелуем в лавке, то я прихожу к следующей причине тошноты. [Здесь, как и во всех подобных ситуациях, нужно опираться не на одно, простое, а на множественное обоснование, на сверхдетерминацию]. Реакция в виде тошноты вначале, конечно, является лишь реакцией на запах (а позднее и на вид) экскрементов. Но как раз эти экскрементные функции могут напомнить гениталии и, особенно, мужской член. Так, в нашем контексте этот орган служит не только сексуальной функции, но и функции опорожнения мочевого пузыря. Конечно же, такое физиологическое отправление известно уже давно, а в досексуальный период оно считалось вообще единственно возможным. Таким образом, тошнота достигает-таки определенного положения среди аффектных проявлений сексуальной жизни. Это именно то, находящееся в фазе зарождения между уриной и фекалиями, постоянно упоминаемое отцами церкви, что присуще сексуальной жизни и назло всем идеализирующим попыткам неотделимо он нее. Но я бы хотел с особенной силой подчеркнуть, что вот таким доказательством посредством этого ассоциативного пути я вовсе не считаю саму проблему разрешенной. Хотя и можно пробудить такие ассоциации, этим еще не объясняется, что именно они и будут вызывать определенные явления. В нормальных условиях этого не бывает. Познание путей появления вовсе не делает излишним познание сил, которые бродят по этим путям, вызывают само явление. Во всех этих пояснениях много типичного, а для истерии и, вообще характерного. Тема эрекции позволяет разгадать некоторые интереснейшие истерические симптомы.

Женское внимание к воспринимаемым через одежду очертаниям мужских гениталий становится в результате его вытеснения мотивом очень многих случаев боязни людей и страха нахождения в обществе. Широко простирающаяся связь сексуального и эксрементного, патогенное значение которых не может вероятно калькулироваться с достаточно большой степенью точности, служит вообще основой огромного числа истерических фобий.

В общем, мне оказалось нелегко направить внимание моей пациентки на ее общение с господином К. Она утверждала, что с этим типом уже все покончено. Наиболее поверхностный слой ее ассоциаций на сеансах, все то, что она легко осознавала и что она вообще вспоминала в качестве прошедших событий дня, все это всегда относилось к отцу. Совершенно верно, что она не смогла простить отцу продолжения общения с господином и особенно с госпожой К. Конечно же, понимание ею этого общения было явно иным, чем то, которое лелеял отец. Для нее здесь не было никакого сомнения в том, что речь просто идет об обычной любовной связи, что ее отец просто привязался к молодой и красивой женщине. Ничто из того, что могло бы каким-нибудь образом подтвердить это, не ускользало от ее острого взгляда, совершенно непримиримого в этом деле, здесь вообще невозможно было найти какой-либо пробел в ее памяти. Знакомство с семейством К. началось еще до тяжелого заболевания отца. Но теснее оно стало лишь во время болезни, когда молодая женщина формально приняла на себя роль сиделки, в то время как мать держалась подальше от кровати больного. Во время первого летнего отдыха за городом, вскоре после выздоровления отца, произошли такие вещи, которые должны бы любому раскрыть глаза на истинную природу этой «дружбы». Обе семьи вместе арендовали часть отеля, и однажды госпожа К. заявила, что она не может больше оставаться в спальне, которую она до сих пор разделяла со своими детьми, а несколькими днями позже и отец Доры отказался от своей спальни. Оба заняли новые комнаты в самом конце коридора, напротив друг друга, а помещения, от которых они отказались, не гарантировали от помех. Когда позднее она делала отцу упреки относительно госпожи К., то он, пытаясь оправдаться, говорил, что не понимает такой вражды, дети же, скорее всего, имели все причины для того, чтобы быть благодарными госпоже К. Мать, к которой она обратилась затем за разъяснениями этой темной речи, сообщила ей, что папа был тогда так несчастлив, что даже хотел покончить с собой в лесу. Но госпожа К., подозревавшая это, последовала за ним и своими просьбами помогла ему сохранить себя для близких. Естественно, что девочка не поверила в это. Наверное, их обоих вместе увидели в лесу, и тогда папа придумал эту сказку о самоубийстве, чтобы оправдать рандеву. [Это привязка к ее собственной комедии самоубийства, которая, таким образом, выражает пристрастие к подобного рода любви.] Когда после этого они возвратились в Б., то папа стал ежедневно в определенные часы бывать у госпожи К., пока ее муж находился в

магазине. Все люди говорили об этом и с особым пристрастием расспрашивали ее о подробностях. Сам господин К. часто горько жаловался Доре на ее мать, саму же ее щадил, ограничиваясь намеками на сей деликатный предмет, что, по-видимому, она засчитывала ему в качестве проявления нежного чувства. В совместных прогулках папа и госпожа К. почти в любое время могли устроить события так, чтобы остаться наедине. Не было никакого сомнения тому, что она брала от него деньги, так как она позволяла себе такие расходы, которые не смогла бы оплатить из средств мужа или своих собственных. Папа начал также делать ей дорогие подарки, чтобы это как-то скрыть, одновременно, он стал особенно щедр к матери и к ней, Доре. Вплоть до последнего времени это болезненная женщина, которая месяцами должна была находиться в больнице для нервнобольных, так как не могла ходить, стала с тех пор здоровой и жизнерадостной.

И после того, как семья покинула Б., эта многолетняя связь продолжалась. Отец время от времени заявлял, что он не переносит суровый климат, что-то он должен для себя сделать, начинал кашлять и жаловаться, пока вдруг неожиданно не уезжал в Б. Оттуда он писал самые беззаботные письма. Все эти болезни были только поводом, чтобы навестить свою подругу. А потом однажды прозвучало, что они переселяются в Вену. Девочка начала догадываться о причине. И, действительно, не прошло и трех недель их пребывания в Вене, как она узнала, что К. тоже переселяются в Вену. Теперь она часто встречала на улице папу с госпожой К. Чаще стала встречать она и господина К., он всегда провожал ее взглядом. Однажды он встретил ее одну и долго шел следом, чтобы узнать, куда она идет, а, возможно, и просто прогуливается.

Ее критика папы касалась того, что папа неоткровенен, врет, думает только о своем собственном удовольствии и нечестно использует свой дар излагать любые вещи в таком свете, в каком они ему лучше всего подходят. Такую критику я слышал особенно в те дни, когда отец опять чувствовал ухудшение здоровья и уезжал на несколько недель в Б., после чего зоркая Дора вскоре выведывала, что и госпожа К. также путешествовала в ту же самую сторону к родственникам.

В общем-то, я не мог оспаривать такую характеристику отца. Легко было видеть и то, в чем Дора была права. Когда она была в раздраженном состоянии, она не могла отделаться от впечатления, что она была одолжена господину К. в качестве платы за допущение отношений между отцом Доры и его женой. Можно было легко догадаться, что за ее нежностью к отцу на самом деле прячется ярость за такой маневр. В другие же времена она хорошо понимала, что, говоря об этом, она явно утрирует события. Формального пакта, в котором бы она фигурировала в качестве предмета обмена, естественно, мужчины никогда не заключали, отец пришел бы в ужас от такого предположения. Но он принадлежал к тем мужчинам, которые могут легко погасить обостряющийся конфликт посредством того, что в

своем восприятии раздираемой на части реальности они никогда до конца не искренни. При обращении его внимания на возможность того, что взрослеющая девушка может подвергнуться опасности в результате постоянного и безнадзорного общения с мужчиной, не получающим удовлетворения от своей жены, он, наверняка бы, ответил: за свою дочь я могу ручаться. Мужчина, подобный К., никогда не может быть ей опасен, да и сам его друг просто не способен на такую подлость. Или: Дора еще ребенок и К. общается с ней как с ребенком. Но в действительности же происходило то, что каждый из обоих мужчин избегал делать из поведения другого те выводы, которые были неудобны для его собственных желаний. Господин К. мог в течение года каждый раз в свой приход присылать цветы, использовать любую возможность для дорогих подарков и проводить все свое свободное время в ее обществе. И это без всякого намека на то, что ее родители в таком поведении обнаружат характер любовного предложения.

Когда в психоаналитическом лечении появляется конкретно обоснованный и безупречный ряд мыслей, то на какой-то момент врач, наверняка, окажется в замешательстве. Когда больной задает вопрос: «А что, если все это так и было? Что Вы можете здесь изменить, после того, как я рассказал Вам это?» Вскоре тогда замечаешь, что такие недоступные для анализа мысли используются больным для того, чтобы скрыть другие, которые они желают не подвергать критике и осознанию. Так ряд упреков, адресованных другим лицам, позволяет предположить наличие ряда самоупреков такого же содержания. Нужно только упреки, относящиеся к другим лицам, переадресовать назад к самой личности оратора. Такой способ защиты от какого-либо самоупрека, когда этот же упрек направляется на другое лицо, имеет в себе что-то неоспоримо автоматическое. Прообраз его находится в «ответных маневрах» детей, когда они не задумываясь отвечают: «Ты сам врешь», — если их обвиняют во лжи. Взрослые, стремясь в свою очередь оскорбить, выискивали бы какую-нибудь реальную слабую сторону противника, а не стремились бы повторить ответ противника. Такая проекция упрека на другого без изменения его содержания и, таким образом, без привязанности к реальности, проявляется в паранойе, как бредовый процесс.

Вот так и упреки Доры, относящиеся к ее отцу, были «подпитаны», продублированы самоупреками того же содержания. Сейчас мы покажем это подробнее. Она была права в том, что отец не хотел прояснить для себя поведение господина К. по отношению к своей дочери, чтобы не нарушать свои отношения с госпожой К. Но и дочь делала то же самое. Она сделала себя совиновницей этих отношений, а на все знаки, которые бы могли показать их действительную природу, просто не обращала внимания. Только после приключения на озере у нее открылись глаза, и тогда начались ее строгие придирки к отцу. А до того все эти годы она, как только могла, содействовала любой возможности для общения отца с госпожой

К. Она не шла к госпоже К., если ожидала там увидеть отца. Она знала, что в таком случае дети будут выставлены из дома, и выбирала такой маршрут, чтобы встретить на пути детей и погулять с ними. В доме находилось еще одно лицо, которое хотело заблаговременно открыть ей глаза на отношения отца с госпожой К. и побудить ее на борьбу с этой женщиной. Это была их последняя гувернантка, очень начитанная старая дева свободных взглядов. [Эта гувернантка, которая прочитала все книги о половой жизни и тому подобные, и рассказывала о них девочке. Она же прямодушно попросила Дору о том, чтобы та держала все, относящееся к этому, втайне от родителей, так как, конечно, невозможно узнать, как бы те отнеслись к этому. — Вот именно в этой-то деве я и искал какое-то время источник всех тайных познаний Доры, и возможно, я не совсем здесь ошибался.] Учительница и ученица одно время находились друг с другом в действительно хороших отношениях, потом вдруг совсем неожиданно девочка поссорилась с ней и настояла на ее увольнении. Все то время, пока старая дева еще обладала влиянием, она использовала его для того, чтобы натравить всех на госпожу К. Она растолковывала маме, что никак не соответствует ее достоинству то, что она терпит такую близость своего мужа с чужой женщиной. Она обратила внимание Доры на все то, что могло показаться странным в таком общении. Но все ее старания оказались напрасными. Дора оставалась нежно преданной госпоже К. и не хотела и слышать о чем-либо, что могло бы выставить общение отца с госпожой К. в непристойном виде. С другой стороны, Дора очень хорошо могла разобраться в мотивах, которые побуждали ее гувернантку. Слепая, с одной стороны, она была достаточно проницательна, с другой. Дора заметила, что дева влюблена в папу. Когда отец находился вместе с ними, старая дева казалась совершенно другим лицом. Тогда она могла быть забавной и услужливой. В то время, когда семья уже пребывала в фабричном городке, и госпожа К. была вне уровня досягаемости, гувернантка натравливала отца на маму как на оставшуюся соперницу. Все это Дора еще не засчитывала старой деве во зло. По-настоящему разозлилась она лишь тогда, когда заметила, что она сама совершенно безразлична для гувернантки и что оказываемая ей любовь фактически предназначена отцу. Во время отсутствия отца в фабричном городке у этой девы никогда не оказывалось времени для нее, она не хотела гулять с Дорой, не интересовалась ее работами. Но не успевал отец еще появиться дома, как та вновь проявляла себя готовой ко всем служебным обязанностям и к любой помощи. Тогда старая дева просто поражала ее.

Эта бедняжка с невольной ясностью осветила Доре часть ее собственного поведения. Как эта дева по временам была настроена против Доры, точно так же бывала настроена и сама Дора по отношению к детям господина К. Она замещала им мать, учила их, ходила с ними гулять, полностью возмещала им тот незначительный интерес, который проявляла по отношению к ним настоящая мать. Между господином и госпожой К. часто говорилось о

разводе. Но развод не осуществился из-за того, что господин К., который был любящим отцом, не захотел отказаться ни от одного из своих детей. Общий интерес к этим детям с самого начала был «связующим звеном в отношениях господина К. и Доры. Но очевидно, что занятия с детьми были для Доры лишь предлогом, который должен был ей самой и всем посторонним помочь скрыть нечто другое.

Из ее поведения по отношению к этим детям, как это хорошо было видно на примере поведения гувернантки, по отношению к ней самой, вытекает то же самое следствие, что и из ее молчаливого одобрения общения отца с госпожой К. А именно, что она все эти годы была влюблена в господина К. Когда я высказал это предположение, я не нашел у нее никакого отклика, хотя она сразу же сообщила, что и другие лица обращали на это ее внимание. Одна из кузин одно время, часто навещавшая их в Б., сказала ей: «Да ты же просто по уши влюблена в этого господина». Сама она не хотела вспоминать о таких чувствах. Когда же избыток всплывшего материала сделал невозможным отрицание, она созналась, что могла быть влюблена в господина К. в Б., но после сцены на озере все это уже далеко позади. [Здесь возникает вопрос: если Дора любила господина К., то как можно тогда объяснить ее отказ в сцене на озере или, по меньшей мере, грубую форму этого отказа, говорящую о горькой обиде? Как могла влюбленная девушка в этом предложении, которое ни в коем случае не было сделано грубо или непристойно, увидеть какое-либо оскорбление?] [См. второй сон. В любом случае было установлено, что тот упрек в игнорировании неотвратимых семейных обязанностей и рассмотрении любых ситуаций по собственному произволу, как это удобно лишь для себя, этот упрек, адресованный ею отцу, можно.отнести и к ней самой.]

Другой упрек, адресованный отцу в связи с тем, что он придумал себе болезнь в качестве предлога и использовал её как средство, опять же совпадает с частью ее собственной тайной истории. Однажды Дора пожаловалась на якобы новый симптом режущей боли в животе, и когда я спросил: «Кого же Вы этим копируете?», — то я угадал. За день до того она навестила своих кузин, дочерей умершей тети. Младшая стала невестой, а у старшей из-за этого появились сильные боли в животе и она должна была уйти на Земмеринг[4]. Она полагала, что у старшей была только зависть, она всегда сказывалась больной, когда хотела чего-то достичь, и как раз сейчас она хочет уйти из дома, чтобы не присутствовать при счастьи сестры. [Обычное явление среди сестер.] А боли в животе у самой Доры ясно говорили, что она идентифицировалась с принимаемой за симулянтку кузиной. Это могло быть так, потому что она также завидовала более счастливой сестре из-за

[4] Перевал в Альпах

ее любви, или же потому что она в судьбе старшей сестры, которая недавно пережила несчастную любовь, увидела свою собственную трагедию. [Какие другие выводы я сделал из болей в животе, я расскажу позднее.] Насколько же умело могут применяться болезни, она узнала и в наблюдениях за госпожой К. Часть года господин К. был в поездках. Когда бы он ни возвращался, он находил госпожу К. больной. Хотя еще вчера, как знала Дора, она была совершенно здорова. Дора понимала, что присутствие мужа воздействовало на его жену болезнетворно, и что тот приветствовал такое болезненное состояние, чтобы уклониться от ненавистных ему супружеских обязанностей. Одно из замечаний о ее собственных сменах недуга и здоровья во время первых проведенных в Б. девических лет, которое она неожиданно вставила в этом месте, навело меня на следующую догадку. Колебания ее собственного состояния необходимо рассматривать в той же зависимости, как и смену состояний госпожи К. А в технике психоанализа существует даже такое правило, что внутренняя, но все еще скрытая связь вскрывается посредством соприкосновения, временного соседства ассоциаций, точно так же, как в письме поставленные рядом «н» и «а» значат, что из них нужно образовать слог «на». У Доры было несметное количество припадков кашля с полной потерей голоса. Не должно ли на появление и исчезновение этих проявлений болезни оказывать влияние присутствие или отсутствие любимого? И если это так и было, то тогда можно где-то здесь выявить обозначившуюся закономерность. Я спросил, какова в среднем была длительность этих припадков. Примерно от трех до шести недель. А как долго отсутствовал господин К.? Она должна была признаться, что тоже между тремя и шестью неделями. Таким образом, своей болезнью она демонстрировала свою любовь к К., в то время как его жена свое отвращение. Только нужно было принять к сведению, что Дора вела себя совершенно противоположным образом, чем жена. Девушка была больной, когда он отсутствовал и здоровой, когда он возвращался. И, действительно, похоже, все так и было, по меньшей мере, в первый период припадков. В последующее время, вероятно, появилась необходимость скрывать совпадение припадков болезни с отсутствием этого тайно любимого мужчины, чтобы таким постоянством не выдать тайны. И сохранилась лишь продолжительность припадка в качестве индикатора его первоначального значения.

Я вспоминаю, что в свое время в клинике Шарко я видел сам и слышал от других, что у лиц с истерическим мутизмом речь начинала замещаться письмом. Они писали более умело, быстрее и лучше, чем другие и чем они сами делали это раньше. То же самое произошло и с Дорой. В первые дни афонии ей «всегда особенно легко удавалось письмо». Это новое свойство для своего проявления требовало появления физиологической замещающей функции, которую и создавала потребность. Но, конечно, за этим трудно было увидеть какой-либо психологический мотив. Обращало на себя внимание то, что приобрести

такое свойство было очень легко. Господин К. много писал ей, будучи в отъезде, посылал ей открытки тех мест, где он был. Оказалось, что только они информировали о сроке его возвращения, что всегда изумляло его жену. То, что переписываются с отсутствующим, с которым не могут в данный момент говорить, впрочем, вряд ли менее убедительно, чем то, что при отказе голоса пытаются объясняться письмом. Таким образом, эта афония Доры допускает следующее символическое толкование: когда любимый был далеко, она отказывалась от устной речи, которая теряла всякую ценность, так как она не могла говорить с ним. Вместо этого единственным средством общения становилось письмо, посредством которого можно вступить в отношения с отсутствующим. Так что же, теперь я стану утверждать, что во всех случаях периодически наступающей афонии такой диагноз опирается на существование отсутствующего по временам любимого? Конечно же, это не является моим намерением. Детерминация этого симптома в случае Доры слишком специфична, чтобы можно было думать о частых повторениях именно такой случайной этиологии. Но тогда какую ценность имеет это объяснение афонии в нашем случае? Не одурачили ли мы вообще сами себя из-за скверной шутки? Я так не считаю. Здесь необходимо вспомнить очень часто поднимаемый вопрос, являются ли симптомы истерии следствием психических или же соматических причин, и если признаются первые, то действительно ли все они психически обусловлены. Этот вопрос, и многие другие, на которые вновь и вновь безуспешно пытаются ответить исследователи, не является адекватным. Действительное положение дел вообще не учитывается в качестве альтернативы. Насколько я могу видеть, любой истерический симптом нуждается во вкладе с обеих сторон. Он не может появиться без определенной соматической встречности, которая осуществляется каким-либо нормальным или болезненным процессом в (или на) одном из органов тела. Она появляется не чаще одного раза (а к характеру истерического принадлежит способность повторяться), если она не имеет какого-либо психического значения, если она не имеет смысла. Такой смысл истерический симптом не получает автоматически, он присуждается симптому, одновременно, сливаясь с ним, и в каждом случае он может быть другим в зависимости от подавленных мыслей, сражающихся за возможность выразиться. Конечно, целый ряд факторов стремится воздействовать на то, чтобы отношения между бессознательными мыслями и находящимися в их распоряжении в качестве средств проявления соматическими процессами формировались менее произвольно и приблизились к нескольким типичным связям. Важнейшими для терапии являются условия, задаваемые случайным психическим материалом. Симптомы устраняются тем, что исследуется их психическое значение. Если затем устраняется то, что проработано посредством психоанализа, то далее можно сделать всяческие, наверняка, соответствующие истине предположения о соматических, как правило, конституционально-органических, основах

симптомов. И для припадков кашля, и для афонии у Доры мы не будем ограничиваться только их психоаналитическим толкованием, а укажем на находящийся за ними органический фактор, от которого исходила «соматическая встречность» для выражения тоски по временно отсутствующему любимому. В этом случае мы связываем симптом с бессознательным содержанием мыслей. Это еще и импонирует нам, так как этот симптом приготовлен умело и очень искусно. Но мы хорошо знаем, что в любом другом случае, в любом другом примере они могут производить такое же впечатление.

Теперь я хорошо подготовлен к тому, чтобы опровергнуть возражение, что якобы, фактически, мы добились немногого, если мы, таким образом, благодаря психоанализу, должны отныне искать отгадку проблемы истерии не в «особой лабильности нервных молекул» или в возможности гипноидного состояния, а в «соматической встречности».

Относительно такого мнения я хочу сказать, что посредством нашего подхода загадка истерии не только частично сдвигается назад, но и частично уменьшается. Теперь уже речь идет не обо всей загадке, но только о той ее части, в которой проявляется особый характер истерии в отличие от других психоневрозов. Психические процессы во всех психоневрозах остаются во многих местах одними и теми же. Речь же о «соматической встречности» может идти лишь тогда, когда для бессознательных психических процессов налицо существует выход в телесное. Где этого фактора нет в наличии, из существующего состояния выйдет нечто другое, чем какой-либо истерический симптом, но опять же нечто родственное, например, фобия или навязчивая идея, короче говоря, психический симптом.

Я возвращаюсь к упреку в «симуляции» болезни, который Дора адресовала своему отцу. Мы вскоре заметили, что этому упреку соответствовали не только самооценки относительно бывших ранее болезненных состояний, но и такие, которые относились к настоящему. В этом месте перед врачом обычно стоит задача разгадать и дополнить то, что в анализе было получено только в наметках. Я должен был обратить внимание пациентки на то, что ее нынешнее болезненное существование как раз в той же самой степени мотивировано и тенденциозно, что и понятное для нее состояние госпожи К. Нет никакого сомнения, что у нее есть определенная цель, которой она надеется достичь посредством своей болезни. И целью этой не может быть ничто другое, как стремление оторвать отца от госпожи К. Просьбами и уговорами ей этого бы не удалось достичь. Возможно, что она надеется на удачный исход, если повергнет отца в ужас (смотри прощальное письмо), вызовет его сострадание (из-за припадков бессилия), и даже если все это вообще не поможет, то, по меньшей мере, она отомстить ему. Она хорошо знает, как сильно он привязан к ней, и что каждый раз, когда он будет спрашивать о самочувствии своей дочери, в глазах у него будут стоять слезы. Я совершенно убежден, что она будет тотчас здоровой, если отец заявит ей, что он ради ее здоровья приносит в жертву госпожу К. Я надеюсь, что

он не позволит побудить себя к этому, так как тогда она узнает, какое мощное средство она имеет в своих руках и, конечно же, не упустит случая, чтобы всякий раз в будущем умело использовать свое болезненное состояние. Если же отец не поддастся ей, то мне совершенно понятно, что она не так легко откажется от своего болезненного существования.

Я опускаю подробности, из которых хорошо видно, насколько абсолютно верным все, это было, и предпочитаю добавить несколько общих замечаний о роли мотивов болезни при истерии. Мотивы болезни необходимо понятийно четко отделять от возможностей болезни, от материала, из которого изготовляются симптомы. Мотивы эти никак не участвуют в образовании симптомов, их нет и в начале болезни они выступают лишь вторично, но только с их появлением болезнь окончательно сформирована. [Дополнение 1923 года: здесь не все верно. Гипотезу, что мотивы болезни не существовали в начале болезни и появились только вторично, невозможно сохранить. Так как уже на следующей странице будут упомянуты мотивы болезни, которые существовали еще до возникновения болезни и совиновны в ее появлении. Позднее я лучше разобрался в положении дел, введя различие между первичным и вторичным выигрышем от болезни. Мотиву болезни, конечно же, всякий раз присуще намерение выигрыша. Все, о чем будет далее говориться в этом разделе, соответствует вторичному выигрышу от болезни. Но и первичный выигрыш от болезни также присущ любому невротическому заболеванию. Заболевание сберегает вначале психические усилия, оказывается экономически наиболее удобным решением в случае психического конфликта (бегство в болезнь), но в большинстве случаев, позднее, несомненно, выявляется нецелесообразность такого выхода. Эту долю первичного выигрыша от болезни можно обозначить как внутреннюю, психологическую; она, так сказать, постоянна. Кроме этого, и внешние факторы, как приводимое в качестве примера положение угнетаемой своим мужем женщины, могут создать мотивы для заболевания и, таким образом, составит внешнюю долю первичного выигрыша от болезни.] Можно рассчитывать на их наличие в любом случае, являющемся действительным страданием и существующим долго. Вначале симптом является достаточно нежеланным гостем для психической жизни, все будет направлено против него, и поэтому он так легко исчезает сам по себе, как кажется, на первый взгляд, под влиянием времени. Вначале он не имеет никакого применения в психическом хозяйстве, но вторично он добивается такового очень часто. Какое-нибудь психическое движение находит для себя удобным использование этого симптома, а этим он приобретает значение вторичной функции и укореняется в душевной жизни. Тот, кто желает сделать больного здоровым, наталкивается тогда, к своему удивлению, на большое сопротивление. Конечно же, это наводит на мысль, что больной не настолько сильно и не настолько серьезно желает отказаться от страдания. [Один из писателей, который к тому же был и врачом, Артур Шнитцлер, очень верно показал это в своем «Парацельсе».] Представьте себе какого-либо

рабочего, например, кровельщика, который, упав с крыши, стал калекой. Теперь он влачит на углах улиц жалкое существование, живя лишь одними подаяниями. А тут приходит какой-нибудь чудотворец и обещает ему сделать искалеченную ногу прямой и здоровой. Я полагаю, что нельзя не обратить внимания на выражение особого блаженства в его виде. Конечно, он почувствовал себя необычайно несчастным, после того, как тяжко пострадал. Он понял, что никогда больше не сможет работать и должен голодать или жить на подаяния. С тех пор то, что вначале сделало его нетрудоспособным, стало источником его доходов. Он живет за счет своей искалеченности. И если ее у него устранить, то, возможно, он станет абсолютно беспомощным, да к тому же он уже и позабыл свое ремесло, потерял квалификацию, привык к праздности, а возможно, и к пьянству.

Мотивы к «бегству в болезнь» часто начинают пробуждаться уже в детстве. Жадный на ласку ребенок, который не очень-то охотно разделяет любовь родителей со своими братьями и сестрами, вскоре замечает, что та достается ему вновь целиком, когда родители становятся по-настоящему озабочены его болезнью. У него в руках оказывается мощное средство вымаливания любви родителей. Он легко прибегает к нему, как только в его распоряжении находится подходящий психический материал для продуцирования недуга. Если такой ребенок превращается затем во взрослую женщину и в полной противоположности условиям своего детства выходит замуж за недостаточно внимательного мужчину, подавляющего ее волю, без всякой пощады использующего всю ее энергию и не уделяющего ей ни своей нежности, ни просто чего-то материального, то тогда ее единственным оружием в отстаивании жизни становится недуг. Болезнь создает для нее столь сильно ожидаемую пощаду, вынуждает мужа пойти на жертвы в деньгах и во внимании, которые он не предоставлял бы здоровой. Недуг же заставляет его осторожно обращаться с ней и после выздоровления, так как в противном случае налицо рецидив. На вид объективно нежелательное состояние болезни, когда должен вмешаться лечащий врач, дает возможность женщине безо всяких упреков совести целесообразно применять это средство, которое она нашла действенным еще в детские годы.

И все же такой недуг — создание намеренья! Как правило, все болезненные состояния предназначены для одной определенной особы, так что С ее удалением исчезает и сама болезнь. Грубейшее и банальнейшее мнение о болезни истериков, которое можно услышать от несведущих родственников и от ухаживающего персонала, в определенном смысле является верным. Это действительно так, что лежащие в постели парализованные больные тотчас бы вскочили, если бы в комнате вспыхнул пожар. А избалованная женщина забыла бы все свои страдания, если бы опасно для жизни был болен ребенок или какая-нибудь катастрофа угрожала судьбе дома. Все, так неодобрительно говорящие об этих больных, совершенно правы вплоть до одного пункта, где они упускают психологическое различие

между сознательным и бессознательным, что еще позволительно ребенку, но взрослому уже нет. И потому все их заверения, что это полностью зависит только от воли, и все их попытки подбодрить или отрицать симптомы не могут ни в чем помочь больным. На самом же деле необходимо только попытаться окольными психоаналитическими путями убедить таких пациентов в существовании у них намерения болеть.

В необходимости бороться с мотивом болезни вообще лежит слабость любой терапии истериков, не исключая и психоаналитической. Судьбе здесь гораздо легче, она не считается ни с имеющейся конституцией, ни с наличным патогенным материалом больного. Судьба просто берет и устраняет мотив болезни, и больной на какое-то время, а возможно, даже надолго, освобождается от болезни. Насколько реже находили бы мы, врачи, чудесные излечения и спонтанные исчезновения симптомов при истерии, если бы получили доступ к утаиваемым от нас жизненным интересам больных! Здесь просто истек срок, там внимание полностью перенеслось на другое лицо, какая-либо ситуация фундаментальным образом изменилась посредством внешнего события и прежнее неутихающее страдание исчезло в один миг, по-видимому, спонтанно. В действительности же исчез его сильнейший мотив — использование страдания ради жизни.

Мотивы, которые поддерживают болезненное состояние, вероятно, можно встретить во всех явных случаях. Но имеются случаи и с чисто внутренними мотивами, как, например, самонаказание, то есть раскаяние и наказание. Разрешить терапевтическую задачу тут можно гораздо легче, чем это удалось бы в том случае, когда болезнь пытается добиться внешней цели. Этой целью для Доры, очевидно, являлась попытка уговорить отца отказаться от госпожи К.

Но казалось, что ни одно из его действий не вызывало такую горькую обиду, как его готовность считать сцену на озере просто продуктом ее фантазий. Она была вне себя лишь при одной мысли о том, что она могла здесь что-то выдумать. Долгое время я испытывал большое затруднение в поисках того самоупрека, который скрывался за бурным отклонением такого предположения. Каждый прав, предполагая за этим что-то скрываемое, так как любой несоответствующий упрек не может надолго оскорблять. С другой стороны, я пришел к выводу, что рассказ Доры, наверное, должен соответствовать истине. После того, как она разгадала намерения господина К., она не стала дожидаться всего того, что он намеревался сказать, сразу ударила его по лицу и убежала. Ее тогдашнее поведение могло показаться оставленному мужчине настолько же непонятным, как и нам. Ведь он на основании бесчисленных маленьких знаков давно уже должен был заключить, что может быть полностью уверен в симпатии со стороны девушки. Потом, в дискуссии о втором сновидении, мы встретим и решение этой загадки, и не найденный нами упрек, адресованный самой себе.

Так как вновь и вновь, с убийственной монотонностью возвращались обвинения в адрес отца и при этом еще продолжал сохраняться кашель, я должен был неизбежно прийти к мысли о том, что этот симптом может иметь какое-то значение, связанное с отцом. Требования, которые я привык выставлять для понимания симптома, без этого не могли быть выполнены. По одному из правил, которое я постоянно находил подтвержденным, мне лишь не хватало мужества заявить об этом публично, любой симптом означает представление (изображение) какой-нибудь фантазии сексуального содержания, то есть сексуальную ситуацию. Но лучше бы сказать, что, по меньшей мере, хотя бы одно из значений симптома соответствует сексуальной фантазии, в то время как для других значений такое ограничение в содержании не существует. То, что симптом имеет более одного значения, служа, одновременно, для изображения нескольких ходов мысли, в действительности познается очень быстро, если начинаешь входить в психоаналитическую работу. Я бы хотел еще добавить, что по моей оценке одного бессознательного хода мысли или одной фантазии вряд ли когда-нибудь будет достаточно, чтобы образовался симптом.

Такая возможность наделения ее нервного кашля толкованием посредством фантазируемой сексуальной ситуации появилась очень скоро. Однажды она опять подчеркнула, что госпожа К. любит папу только потому, что он зажиточный мужчина. Я заметил, на основании определенных побочных признаков в этой повторяющейся сцене обвинения госпожи К., которые я здесь, как и большинство того, что касается лишь техники в аналитической работе, оставляю в стороне, я нашел, что за всем этим скрывается совершенно противоположная мысль. Отец — неимущий мужчина. Такое может подразумеваться только сексуально, то есть отец, как мужчина, неимущий импотент. После того, как она действительно подтвердила это толкование, я упрекнул ее в том, что этим она попадает в большое противоречие. С одной стороны, она уверена, что отношения отца с госпожой К. являются обычной любовной связью, а с другой стороны, утверждает, что отец — импотент и, таким образом, неспособен использовать такую связь. Ее ответ показал, что она совсем не нуждается в признании этого противоречия. Ей хорошо известно, сказала она, что существует гораздо более одного способа сексуального удовлетворения. Источник таких познаний был, конечно же, ей опять неизвестен. Когда далее я спросил, не подразумевает ли она использование для полового акта иных органов, чем гениталии, она подтвердила это. Тогда я смог продолжить: она думает как раз о тех частях тела, которые находятся у нее самой в возбужденном состоянии (шея, полость рта). Поскольку она не желала знать вообще что-нибудь из своих тайных мыслей, то они и не могли стать для нее полностью ясными, так как, прежде всего, нужно было сохранить сам симптом. Нужно добавить, что посредством своего серийно проявляющегося кашля, начинавшегося как обычно с першения в горле, она

изображала ситуацию сексуального удовлетворения per os[5] между двумя людьми, любовная связь которых ее неизменно занимала.

То, что в ближайшее время после этого молчаливо принятого объяснения сам кашель бесследно исчез, естественно, очень хорошо согласуется с этой интерпретацией. Но мы бы не хотели придавать такому изменению слишком большое значение, так оно, конечно же, очень часто наступает и спонтанно.

Так как эта частица истины у врача-читателя кроме безверья, которое, конечно же, в его полной власти, может вызвать еще и неприятное, странное чувство и ужас, то я вынужден более подробно рассмотреть в этом месте обе эти реакции. Неприятное ощущение, как я думаю, вызывается от моей рискованной затеи говорить о таких щекотливых и таких отвратительных вещах с молодой девушкой — или вообще с женщиной в детородном возрасте. Ужас вероятно вызывается предположением, что девственная девушка могла бы знать о такого рода практике и заниматься ею в своих фантазиях. В обоих пунктах мне бы посоветовали сдержанность и благоразумие. Но ни там, ни тут нет никакой причины для возмущения. С девушками и женщинами можно говорить о любых сексуальных вещах без всякого вреда для них и, не навлекая на себя подозрение. Конечно, если при этом, во-первых, выбрать правильный способ, как это делать, и, во-вторых, если у них можно пробудить сознание того, что это является неизбежным. Вот именно в таких условиях и позволяется, конечно же, гинекологу, подвергать женщин всевозможным обнажениям. Лучший способ говорить о таких вещах — прямой и сухой. Одновременно, он наиболее далеко удален от похотливости, с которой эта тематика чаще всего и обсуждается в «обществе» и к которой как девушки, так и женщины очень быстро привыкают. Я называю все органы и процессы их настоящими именами и их же сообщаю даже там, где эти названия кажутся неизвестными. «I^appelle un chat un chat»[6]. Я часто слышал от медиков и не медиков, что они шокированны какой-либо терапией, связанной с такими обсуждениями, которые, казалось, завидовали мне или пациентам из-за соблазна, возникающего при этом, по их мнению. Но я все же хорошо знаю добропорядочность этих господ, чтобы раздражаться из-за них. Я попытаюсь обойти искушение написать на эту тему какую-нибудь сатиру. Только одно я хочу еще упомянуть. Я часто с большим удовлетворением слышу от какой-либо пациентки, которой открытость в сексуальных вещах давалась нелегко вначале, следующее несколько позднее восклицание: «Нет, Ваше лечение все же намного пристойнее, чем разговоры господина X!»

---

[5] Через рот в пищеварительный канал.(дат.)

[6] Называю вещи своими именами

«В неизбежности соприкосновения с сексуальной тематикой необходимо быть убежденным еще до того, как предпринимаешь лечение истерии, или, во всяком случае, нужно быть готовым позволить себе убедиться в этом на самом опыте. Поэтому говоришь себе: pour faire une omelette il faut casser des oeufs[7]. Самих же пациентов убедить легко, возможностей для этого во время лечения предоставляется слишком много. Не нужно только при этом упрекать себя, что приходится с ними обсуждать явления нормальной и патологической сексуальной жизни. Если хотя бы в малейшей степени соблюдать осторожность, то остается лишь переводить им в сознание то, о чем они уже знают в своем бессознательном. Все воздействие курса лечения основано, конечно же, на понимании того, что аффективное воздействие бессознательной идеи сильнее, а в результате того, что оно неукротимо вреднее, чем воздействие осознанной. Нет никакой опасности в том, что можно развратить неопытную девушку. Там, где в бессознательном отсутствует вообще знание о сексуальных процессах, там и истерический симптом не может появиться. Там, где находишь истерию, уже больше не может быть и речи о «невинности в мыслях», невинности, о которой утверждают родители и воспитатели. Наблюдая 10-, 12- и 14-летних детей, мальчиков и девочек, я убедился в чрезвычайной верности этого высказывания.

Что же касается второй эмоциональной реакции, которая теперь направлена не против меня, как я по справедливости считаю, а против пациентов, то я хотел бы подчеркнуть, что находить ужасным перверзный характер их фантазий, — такая страстность в осуждениях врачу не присуща. Я нахожу, среди всего прочего, излишним и то, что врач, который пишет об извращениях сексуальных влечений, использует любую возможность, чтобы включить в сам текст проявление своего личного отвращения к таким дик им вещам. Здесь перед нами находится один из фактов, к которому мы должны постараться привыкнуть по мере подавления нашей личной ориентации вкусов. О том, что мы называем сексуальными перверсиями, выходом за пределы сексуальных функций в области тела и в сексуальных объектах, нужно говорить безо всякого возмущения. Уже существующая неопределенность границ для так называемой нормальной сексуальной жизни у различных рас и в различные временные эпохи должна была бы охладить пылких ревнителей нравственности. Мы же не должны забывать, что дичайшая для нас среди всех перверсий, телесная любовь мужчины к мужчине, у одного из так сильно превосходящего нас по культуре народа, у греков, не только и не просто допускалась, а и снабжалась еще важными социальными функциями. Каждый из нас в своей собственной сексуальной жизни перешагивает хотя бы на какую-то малость то здесь, то там границы, возведенные для нормальных людей. Перверсии не

[7] Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц.

являются ни зверством, ни вырождением в патетическом смысле слова. Это развитие зародышей, которые все вместе содержатся в недифференцированной сексуальной ориентации ребенка. Их подавление или обращение на более высокие, несексуальные цели — сублимация — способствовало предоставлению энергии большому числу наших культурных достижений. Так что, если кто-то явно и грубо стал перверсным, то здесь правильнее будет сказать, что он остался (на старом месте), что он представляет собой задержку развития. Психоневротики, все вместе, являются лицами с прочно сформировавшимися, но в течение развития вытесненными и ставшими бессознательными, перверсными склонностями. Их бессознательные фантазии показывают поэтому то же самое содержание, что и реально проявляющиеся действия перверсных людей, даже если они и не читали «Сексуальную психопатию» фон Крафft-Эбинга, которой наивные люди приписывают так много совиновности в возникновении перверсных склонностей. Психоневрозы являются, так сказать, негативом перверсий. Сексуальная конституция, в которой содержится проявление наследственности, воздействует на невротиков совместно со случайными событиями жизни и нарушает развитие нормальной сексуальности. Воды, потоки которых встречают какое-либо препятствие на своем пути, наводняют вновь уже оставленное ложе. Энергия влечения для формирования истерических симптомов предоставляется не только вытесненной нормальной сексуальностью, но и бессознательными перверсными побуждениями. [Эти предположения о сексуальных перверсиях находятся в превосходной, выпущенной несколько лет назад книге И.Блоха «Проблема этиологии сексуальной психопатии» (1902 и 1903 г.) См. и мои появившиеся в этом году (1905) «Три очерка по сексуальной теории»]

Большее распространение среди нашего населения имеют «сексуальные нормы», несколько менее отталкивающие среди так называемых сексуальных перверсий, что знает каждый, за исключением авторов-врачей. А возможно, и такой автор все это знает. Он лишь старается забыть это в тот момент, когда берет в руки перо и пишет об этом. Таким образом, ничего удивительного нет в том, что наша в скором времени девятнадцатилетняя истеричка, услышав о существовании такого сексуального контакта (сосание члена), создает себе такую бессознательную фантазию и изображает ее посредством ощущения першения в горле и кашля. Было бы неудивительным даже и то, если бы она безо всякого внешнего просвещения пришла к таким фантазиям, как я установил, такое совершенно возможно у других пациенток. Соматическое предварительное условие для создания этой фантазии, которая совпадает затем с действием перверсного человека, было задано Доре посредством заслуживающего внимание факта. Она очень легко вспомнила, что в детские годы очень долго сосала, была «сосунком». Отец тоже вспомнил, что он специально отучал ее от этого, так как она продолжала это делать до четвертого или пятого года жизни. Сама Дора ясно

вспомнила следующую картину из ее младенческих лет. Она сидела в углу на полу, сосала свой левый большой палец, в то же время, теребя при этом своей правой рукой мочку уха, спокойно сидящего рядом брата. Это полноценный способ самоудовлетворения посредством сосания, о котором мне сообщали и другие пациенты, позднее потерявшие чувствительность и ставшие истериками. От одной из этих пациенток я получил некоторые сведения, проливающие яркий свет на происхождение этой особой привычки. Молодая женщина, которая так и не смогла отвыкнуть от привычки сосать, увидела себя в одном из детских воспоминаний, по-видимому, в первой половине второго года жизни, сосущей грудь кормилицы и одновременно при этом ритмически тянущей мочку уха кормилицы. Я думаю, что никто не захочет оспаривать, что слизистую оболочку губ и рта нужно считать первичной эрогенной зоной, так как часть этого значения она сохраняет еще и для поцелуя, который считается нормальным проявлением сексуальности. Преждевременная активная деятельность этой эрогенной зоны является, таким образом, условием для последующей соматической встречности со стороны начинающегося губами пищеварительного тракта со слизистой оболочкой. Если в то время, когда настоящий сексуальный объект, мужской член, уже стал известен, имеются налицо условия, которые заново повышают возбуждение оставшейся сохранной эрогенной зоны рта, то не нужно никаких больших затрат творческой энергии для того, чтобы в ситуации удовлетворения вместо первоначального соска груди и замещающего его пальца вообразить актуальный сексуальный объект, пенис. Таким образом, эта в высшей степени непристойная перверсная фантазия сосания пениса имеет безвиннейшее происхождение. Это переработка, называемого доисторическим, впечатления от сосания груди матери или кормилицы, которое обычно вновь оживляется при общении с сосущими детьми. Чаще всего большую службу при этом оказывает и вымя коровы как хорошо опосредованное переходное представление между соском груди и пенисом.

Обсуждаемое сейчас значение симптома горла для Доры может дать повод еще и для другого замечания. Можно спросить, как эта фантазируемая Сексуальная ситуация уживается с другим объяснением, что появление и исчезновение болезненных проявлений откликается на присутствие и отсутствие любимого мужчины. То есть, с учетом поведения женщины выражает следующие мысли: если бы я была его жена, я бы любила его совершенно по-другому, болела (из-за тоски, например), когда он уезжает и была бы здоровой (от наивысшего счастья), когда он опять дома. На это я, исходя из моего опыта в устранении истерических симптомов, должен ответить: нет необходимости, чтобы различные значения какого-либо симптома уживались друг с другом, то есть взаимодополнялись к единому целому. Достаточно и того, что такая взаимосвязь уже задана темой, которая всем различным фантазиям дает единое происхождение. В нашем же случае такая уживаемость, впрочем, не исключается. Одно значение больше привязано к кашлю,

другое к афонии и к течению процесса. Более тонкий анализ позволил бы, вероятно, познать идущее намного далее одушевление деталей болезни. Мы уже узнали, что один симптом практически постоянно одновременно соответствует нескольким значениям. Теперь мы еще добавим, что могут проявиться и несколько следующих друг за другом, значений. Одно из своих значений или даже главное значение симптом может изменить в течение ряда лет, или же ведущая роль может от одного значения перейти к другому. Можно бы было назвать консервативной чертой в характере невроза то, что однажды сформировавшийся симптом по возможности сохраняется, даже если бессознательная мысль, которая в нем проявилась, уже лишилась своей значимости. Конечно же, эту тенденцию к сохранению симптома легко объяснить и чисто механически. Формирование одного из таких симптомов является настолько трудным, перенос чисто психического возбуждения в телесное, то что я назвал конверсией, связан со столь большим числом благоприятствующих обстоятельств, соматическую встречность, в которой нуждаются для конверсии, настолько трудно получить, что стремление к разрядке возбуждения, накопившегося в бессознательном, ведет к тому, чтобы по возможности удовлетвориться уже имеющимся путем разрядки. Намного более легким, чем создание новой конверсии, по-видимому, является образование ассоциативных отношений между какой-либо новой, нуждающейся в разрядке бессознательной мыслью, и старой, которая уже потеряла свою актуальность. На проложенном таким способом пути возбуждение из нового источника стремится к прежним местам разрядки, а симптом подобен, как говорится в Евангелии, старому бурдюку, наполненному молодым вином. Если и кажется после такого объяснения соматическая составляющая истерического симптома более постоянной, труднее замещаемой, а психическая доля изменчивым, более легко замещаемым элементом, то в таких отношениях все же нельзя провести ранжирование обоих. Но в любом случае для психической терапии более значимой является психическая составляющая.

Обращая внимание на непрерывное повторение одних и тех же мыслей об отношении ее отца к госпоже К., анализ Доры дает возможность еще и для другой важной разработки.

Такой повторяющийся ход мыслей можно назвать сверхсильным, а лучше усиленным, сверхценным в смысле Wernicke. Несмотря на свое с виду корректное содержание он оказывается болезненным из-за одного своего свойства, из-за которого он несмотря на все сознательные и волевые усилия не может быть больным произвольно ни разрушен, ни побежден. С нормальным, далее очень интенсивным ходом мыслей в конце концов можно справиться. Дора совершенно правильно чувствовала, что ее мысли о папе вызывали особую оценку. «Я. не могу ни о чем другом думать, — жаловалась она опять и опять, — мой брат справедливо говорит мне, что мы, дети, не имеем права критиковать эти действия папы. Мы не должны этим интересоваться, а возможно даже должны просто радоваться, что он нашел

женщину, к которой у него может лежать сердце, так как мама очень мало его понимает. Я вижу это и хотела бы тоже думать так, как мой брат, но я не могу. Я не могу простить отца за происходящее». [Такая сверхценная мысль наряду с мрачным настроением часто является единственным симптомом одного из тяжелейших болезненных состояний, называемых обычно «меланхолией», но она так же излечивается посредством психоанализа, как и истерия.]

Что же теперь делать с такой сверхценной мыслью, после того, как выслушали ее сознательное обоснование и узнали о безуспешной борьбе с нею? Надо сказать себе, что эта сверхстойкая мысль обязана своим усилением бессознательному. Она неустранима в мыслительной работе, или потому что сама своими корнями простирается вплоть до бессознательного вытесненного материала, или потому что за нею скрывается другая бессознательная мысль. Последняя оказывается тогда чаще всего ее прямой противоположностью. Противоположности всегда тесно связаны друг с другом и часто так спарены, что одна мысль чрезмерно сознательна, а ее контрастирующая партнерша вытеснена и бессознательна. Такое отношение является результатом процесса вытеснения. Именно вытеснение часто осуществляется таким образом, что противоположность слишком сильно вытесненных мыслей чрезмерно усиливается. Я называю это реактивным усилением, а мысль, которая чрезмерно утверждается в сознании и показывает себя наподобие предрассудков неразрушимой, реактивной мыслью. Вытесненная и реактивная мысли относятся тогда друг к другу приблизительно как две противоположные магнитные стрелки из одной астатической пары стрелок. С определенным избытком интенсивности реактивная мысль удерживает осуждаемую в вытеснении. Но из-за этого она сама уменьшается и становится невосприимчивой к осознанной мыслительной работе. Осознание вытесненной противоположности является тогда тем путем, на котором сверхсильные мысли могут быть лишены их усиления.

Нельзя из своих ожиданий исключить и случай, когда налицо не одно из двух обоснований сверхценности, а их конкуренция. Могут появиться еще и другие усложнения, которые все же легко потом добавить.

Мы проверим это на примере, который предлагает нам Дора. Прежде всего, первое положение, что корень ее навязчивых тревог из-за отношений отца к госпоже К. ей самой неизвестен, так как он находится в бессознательном. Совершенно не трудно найти этот корень на основе отношений и проявлений. Ее поведение, очевидно, заходит гораздо дальше сферы дочерней участи, она чувствовала и действовала намного чаще как ревнивая женщина, что могло бы быть понятным, будучи обнаруженным у ее матери. В ее требованиях: «Она или я», в сценах, которые она разыгрывала, и угрозах самоубийства, которые она явно позволяла обнаружить, было очевидно, что она ставила себя на место

матери. Если мы правильно разгадали лежащую в основе ее кашля фантазию сексуальной ситуации, то она в ней становилась на место госпожи К. Таким образом, она идентифицировалась с обеими женщинами, любимыми отцом сейчас и прежде. И напрашивается вывод, что ее склонность к отцу была выражена в большей степени, чем она знала или охотно бы признала, что она была влюблена в отца.

Такие бессознательные, обнаруживаемые лишь в результате их патологических последствий отношения любви между отцом и дочерью, матерью и сыном я научился понимать как обновление ядра инфантильных чувств. В другом месте [В «Толковании сновидений» и в третьем из «Очерков в сексуальной теории»] я уже доказал, насколько рано становится действенным сексуальное притяжение между родителями и детьми, и показал, что Эдиповский сюжет, скорее всего, надо рассматривать как поэтическую обработку типичного в этих отношениях. Такое раннее предпочтение (дочерью отца, сыном матери), вероятно, у большинства людей оставляет явные следы, а у детей, конституционально предрасположенных к неврозу, не по возрасту развитых и жадных на ласку, должно уже с самого начала быть особенно интенсивным. Затем сказываются и определенные, здесь не обсуждаемые, влияния, которые эти рудиментарные любовные побуждения фиксируют или настолько усиливают, что уже в детские годы или в пубертатный период из них образуется что-то, что можно приравнять к сексуальной склонности и что притязает на либидо. [Решающим моментом для этого является, по-видимому, преждевременное появление подлинных генитальных ощущений, будь они спонтанными или вызванными посредством соблазнения и мастурбации (См. ниже.)] Внешние условия нашей пациентки вовсе не являлись неблагоприятными. Ее задатки всегда притягивали ее к отцу, а многочисленные его болезни должны были усилить ее нежность к нему. При некоторых заболеваниях не кто иной, как именно она была допускаема к мелким обязанностям по уходу за больным. Гордый за ее рано развитый интеллект отец еще ребенком сделал ее своим доверенным лицом. Появлением госпожи К. в действительности была вытеснена не мать, а она, причем, сразу из нескольких положений.

Когда я сообщил Доре, что должен полагать, что ее склонность к отцу уже очень рано приняла характер подлинной влюбленности, она хотя и дала свой обычный уклончивый ответ: «Я не могу этого припомнить», — однако тотчас сообщила нечто аналогичное о своей семилетней кузине (с материнской стороны), в которой она часто видела как бы отражение своего собственного детства. Однажды малышка была свидетельницей раздраженного спора между родителями и прошептала на ухо Доре, навестившей их вскоре после этого: «Ты не можешь себе представить, насколько я ненавижу эту личность (намекая на мать)! И если она умрет, то я сразу женюсь на папе». Я привык, в таких ассоциациях, которые в чем-то согласуются с содержанием моего утверждения, видеть подтверждение со стороны

бессознательного. Другого «да» невозможно услышать от бессознательного; а бессознательного «нет» вообще не существует.

[Дополнение 1923 года. Другая, очень примечательная и вообще допускаемая форма подтверждения со стороны бессознательного, которую я тогда еще не знал, проявляется возгласом пациента: «Об этом я не думал» или «я этого не подразумевал». Эти выражения можно просто перевести как: «Да, это было для меня бессознательным».]

Эта влюбленность в отца не проявлялась годами. Более того, с той самой женщиной, которая оттеснила ее от отца, она долгое время сердечнейшим образом была заодно и даже способствовала ее связи с отцом, как мы знаем по ее самоупрекам. Таким образом, эта любовь была заново оживлена, и если это действительно так, мы можем спросить, для какой же цели. Очевидно, в качестве реактивного симптома, чтобы подавить что-то другое, что, следовательно, еще было властным в бессознательном. Как подсказывала сама ситуация, я должен был думать в первую очередь о том, что таким подавленным другим, являлась любовь к господину К. Я должен был предположить, что ее влюбленность еще продолжалась, хотя после сцены на озере — по неизвестным мотивам — любовь эта вызывала мощное сопротивление, и девушка извлекла из прошлого и усилила прежнюю склонность к отцу, чтобы уж больше ничего не замечать в своем сознании от ставшей для нее мучительной любви ее первых девичьих лет. Затем я достиг понимания конфликта, достаточного, чтобы пошатнуть душевную жизнь девушки. Вероятнее всего, она, с одной стороны, была полна раскаяния из-за того, что отказала предложению мужчины, полна страсти к нему и маленьким проявлениям его нежности; с другой стороны, мощные мотивы, среди которых легко было разгадать ее гордость, противились этим нежным и страстным побуждениям. В конце концов она пришла к тому, чтобы убедить себя, что с господином К. уже все покончено, — таков был выигрыш от этого типичного процесса вытеснения. И все же для защиты от постоянно пробивающейся к сознанию влюбленности она должна была дополнительно вызывать и утрировать инфантильную склонность к отцу. То, что потом она почти непрерывно находилась в состоянии ревнивой озлобленности, нуждается, вероятно, в объяснении еще и другими мотивами (которые мы действительно встретим позднее).

Все это ни в коем случае не противоречит моему ожиданию, что изложением этого я бы вызвал у Доры решительное возражение. «Нет», которое слышишь от пациента, после того как его вниманию предлагаешь вытесненные им ранее мысли, оно констатирует лишь это вытеснение, а его решительность в этом, одновременно, измеряет его силу. Если только такое «нет» не принимается в качестве проявления беспристрастного мнения, на которое больной действительно не способен, а внимание обращено и на что-то другое, и сама работа продолжается, то вскоре появляются первые доказательства того, что «нет» в таком случае означает желаемое «да». Она согласилась, что не может быть злой на господина К. в той

степени, которую он заслуживает. Она рассказала, как однажды она встретила на улице господина К. В то время она была в сопровождении кузины, не знавшей его. Неожиданно кузина вскрикнула: «Дора, что случилось с тобой? Ты же побледнела как смерть!» Она ничего не почувствовала в этот момент, но, наверняка, слышала от меня, что игра мимики и проявление чувств скорее послушны бессознательному, чем сознанию, и что бессознательное часто выдается мимикой и чувствами. [Ср.: «Я могу показаться Вам спокойным (видите спокойно идущим)».] В другой раз после нескольких дней постоянно веселого настроения, она пришла ко мне в сквернейшем настроении, которое ничем не могла объяснить. Ей сегодня так противно, объявила она. Сегодня день рождения дяди, а она не может себя заставить поздравить его; она не знает, почему. Мое искусство толкования было притуплено в этот день. Я попросил ее говорить дальше и неожиданно она вспомнила, что сегодня же день рождения и господина К., что я не упустил использовать против нее. Далее нетрудно было объяснить и то, почему богатые подарки на ее собственный день рождения за несколько дней до этого не принесли ей никакой радости. Там отсутствовал один подарок, подарок господина К., который ранее для нее, очевидно, был самым ценным.

Между тем, долгое время она решительно возражала против моего утверждения, вплоть до того момента, пока в конце анализа не было получено доказательство его верности.

Теперь я должен перейти к еще одному осложнению, которому я, конечно же, не предоставил бы места, если бы я задумывал, будучи писателем подобное душевное состояние для одной из новелл, вместо того, чтобы расчленять его как врач. Этот элемент, на который я сейчас укажу, может только замутнить и стереть прекрасный, достойный поэтического пера конфликт, который мы можем предположить у Доры. Он справедливо становится жертвой цензуры писателя, который, конечно же, упрощает и абстрагирует там, где он, писатель, выступает как психолог. В действительности же, как я стараюсь это здесь преподнести, усложнение мотивов, накопление и соединение душевных побуждений, короче говоря, сверхдетерминация является правилом. За сверхценным ходом мыслей, который занимается связью отца с госпожой К.» скрывается также и ревность, чьим объектом была эта женщина — то есть побуждение, которое может основываться только на склонности к представителям своего пола. Уже давно известно и с разных сторон подчеркивалось, что у мальчиков и девочек в пубертатные годы даже в норме легко наблюдать явные признаки существования однополых склонностей. Мечтательная дружба с одной из школьных подруг с клятвами, поцелуями, обещаниями вечной переписки и со всей той чувствительностью, которая присуща ревности, является обычной предшественницей первой более интенсивной влюбленности в мужчину. А в особых благоприятствующих обстоятельствах гомосексуальные стремления часто даже полностью побеждают. Там, где не наступает

счастья в любви к мужчине, такое стремление либидо часто пробуждается вновь и в более позднем возрасте и усиливается до той или иной степени. Если так много можно безо всякого труда обнаружить у здоровых, то мы можем ожидать, опираясь на недавнее замечание о более сильной сформированности у невротиков обычного зародыша перверсий, найти в невротической конституции и более сильно выраженную гомосексуальную предрасположенность. Наверное, так и должно быть. Так, ни в одном психоанализе мужчины или женщины я еще не обошелся без того, чтобы не учитывать такую действительно значительную гомосексуальную направленность. Там, где у истерических женщин и девушек предназначенное для мужчин сексуальное либидо познает энергичное подавление, там всегда найдется либидо, предназначенное женщине, усиленное посредством замещения и даже частично осознанное.

Я не буду обсуждать здесь дальше эту важную и, особенно для понимания истерии мужчин, неизбежную тему, так как анализ Доры завершился еще до того, как смог бы пролить свет и на эти отношения. Но я вспоминаю ту гувернантку, которой вначале она полностью доверяла сокровенные мысли, пока не заметила, что ее ценят и хорошо обращаются не из-за ее собственных достоинств, а из-за отца. Тогда она принудила гувернантку оставить дом. Она также поразительно часто и с особым удовольствием останавливалась на рассказе о другом отчуждении, которое ей самой казалось загадонным. Со своей второй кузиной, той самой, что позднее стала невестой, она чувствовала себя всегда особенно хорошо понятой и разделяла с ней всяческие тайны. Когда отец впервые после внезапно прерванной поездки на озеро опять решил поехать в Б. и, естественно, Дора отказалась его сопровождать, эта кузина напросилась на путешествие с отцом. С тех пор Дора почувствовала охлаждение к ней. И Дора даже сама поражалась, насколько безразличной она ей стала, хотя, конечно же, она призналась, что не могла бы ее в чем-то сильно упрекнуть. Такие щепетильности побудили меня спросить о том, какими были ее отношения с госпожой К. до размолвки. Тогда я узнал, что молодая женщина и только начинающая взрослеть девушка годами жили в величайшей доверительности. Когда Дора проживала у К., она разделяла спальню с этой женщиной. Муж просто выдворялся. Она была поверенной и консультантом жены во всех трудностях ее брачной жизни. Не было ничего такого, о чем бы они не говорили. Медея была совершенно довольна тем, что Креуса[8] взяла обоих детей к себе. Она, конечно же, не делала ничего такого, что могло бы помешать общению отца этих детей с девушкой. То, как у Доры могла появиться любовь к мужчине, о

[8] Креуза (Креуса) в греческой мифологии дочь царя Креонта из Коринфа. Когда Ясон, уже женатый на Медее, захотел жениться на Креузе, покинутая жена прислала сопернице пропитанное ядом платье. Креуза погибла в муках от загоревшихся на ней одежд.

котором ее любимая подруга должна была сказать очень много плохого, является интересной психологической проблемой. Наверное, ее можно разрешить при учете того, что в бессознательном все мысли живут в особенной близости друг с другом, даже резкие противоположности переносятся без всякого трения, что, конечно, довольно часто в том же самом виде проявляется и в сознании.

Когда Дора рассказывала о госпоже К., то она хвалила ее «восхитительно белое тело» таким тоном, что он скорее соответствовал речи любовницы, чем поверженной соперницы. Скорее грустно, чем горько она сообщила мне в другой раз, что убеждена, что подарки, которые ей приносил папа, куплены госпожой К. Та хорошо знает ее вкус. В одно из посещений она особо подчеркнула, что, очевидно, при посредничестве г-жи К. ей были подарены драгоценные украшения, совершенно похожие на те, которые она видела у госпожи К., и была тогда в большом восторге от них. Конечно, я вообще должен сказать, что ни разу не слышал от нее какого-нибудь резкого или озлобленного слова об этой женщине, в которой она с точки зрения ее сверхценных мыслей должна бы все же видеть виновницу своего несчастья. Она вела себя непоследовательно, но кажущаяся непоследовательность как раз и была проявлением противоречивой направленности чувств. Так как же должна была вести себя по отношению к сопернице мечтательно любящая подруга? После того как Дора возвела на господина К. обвинение, и отец письменно потребовал его к ответу, тот ответил вначале с заверениями своего глубокого уважения и выпросил позволения приехать в фабричный городок, чтобы прояснить все недоразумения. Несколькими неделями позднее, когда отец заговорил с ним в Б., уже речи не могло быть о глубоком уважении. Он унизил девушку и разыграл свою козырную карту. Девушка, которая читает такие книги и интересуется такими вещами вообще не имеет никакого права притязать на внимание мужчины. Таким образом, госпожа К. предала и оклеветала ее, ведь только с нею беседовала девушка о Мантегацца и других каверзных темах. Это опять был такой же случай, как и с гувернанткой. И госпожа К. любила ее не из-за ее собственной личности, а из-за отца. Госпожа К. не задумываясь пожертвовала ею, лишь бы не нарушилась ее связь с отцом. Возможно, что эта обида задела ее особенно сильно, действовала более патогенно, чем другая, скрываемая ею, относящаяся к тому, что отец пожертвовал ею. Не указывает ли столь упрямо удерживаемая амнезия относительно источников ее каверзных познаний прямо на эмоциональную значимость обвинения и потому на предательство со стороны подруги?

Итак, я верю, что иду не заблуждаясь, когда принимаю за истину то, что сверхценный ход мыслей Доры, который занимался отношением отца с госпожой К., был предопределен не только для подавления однажды ставшей осознанной любви к господину К., но и в более глубоком смысле для того, чтобы скрыть бессознательную любовь к госпоже К. К последнему направлению чувств этот ход мыслей стоял даже в обратной зависимости. Она

беспрестанно проговаривала про себя, что отец пожертвовал ею ради этой женщины, шумно демонстрировала, что она завидует ей из-за обладания папой, и таким образом скрывала противоположные чувства, что она могла бы завидовать папе из-за любви этой женщины, а любимой женщине не могла простить разочарования из-за ее предательства. Ревнивое чувство по отношению к женщине было сцеплено в ее бессознательном с ревностью, адресованной мужчине. Такую мужскую, или лучше сказать, гинекофилическую направленность чувств необходимо рассматривать как типическую для бессознательной любовной жизни истерических девушек.

II. ПЕРВОЕ СНОВИДЕНИЕ

Когда у нас уже была прекрасная перспектива, чтобы посредством материала, который пробивался в анализе, прояснить одно темное место в детской жизни Доры, она сообщила, что в одну из последних ночей снова видела сон, который уже не один раз ей снился. Причем, все было в нем точно так же, как и раньше. Периодически возвращающееся сновидение уже из-за этого своего характера особенно подходит к тому, чтобы пробудить мое любопытство. В интересах лечения было, конечно же, необходимо учитывать вплетение этого сновидения в контекст анализа. Итак, я решил особенно тщательно исследовать этот сон.

1 сновидение. «В каком-то доме пожар [«У нас никогда не было настоящего пожара», — ответила она на мой вопрос.], — рассказывала Дора, — Отец стоит возле моей кровати и будит меня, Я быстро одеваюсь. Мама еще хочет попытаться спасти свою шкатулку с драгоценностями. Но папа говорит: «Я не хочу, чтобы я и оба моих ребенка сгорели из-за твоей шкатулки с драгоценностями». Мы спешим вниз, и как только я оказываюсь во дворе, я просыпаюсь».

Так как рассказано возвращающееся сновидение, то совершенно естественно, что я спрашиваю, когда она его впервые увидела. Этого она не знает. Но она вспоминает, что видела этот сон в Л. (местечко на озере, где произошла сцена с господином К.) три ночи подряд, а несколько дней назад он опять приснился. [Да и по самому содержанию можно легко догадаться, что этот сон вначале приснился в Л.] Восстановленная таким образом привязанность сновидения к событиям в Л. естественно повышает мои ожидания скорой разгадки сновидения. Но вначале я хотел бы узнать повод для его последнего появления. Поэтому я прошу Дору, которая посредством некоторых небольших, анализированных ранее примеров, была уже обучена толкованию снов, разложить это сновидение и сообщить мне, какие ассоциации возникли у нее.

Она говорит: «Что-то, что все же не может относиться сюда, так как это было совсем недавно, а сон я видела уже давно».

Сразу очень трудно сказать, что это ничего не значит. Как раз оно и может очень легко сюда подойти.

«Итак, в эти дни папа ругался с мамой, так как она заперла на ночь столовую. А комната моего брата не имеет своего собственного выхода и доступна лишь через столовую. Папа не хотел, чтобы брат по ночам был взаперти. Он сказал, что так не пойдет. Ночью же может что-нибудь произойти и брату нужно будет выйти».

И теперь Вы связали это с опасностью пожара?

«Да».

Я прошу Вас, хорошо запоминайте Ваши собственные выражения. Возможно, они нам еще пригодятся. Вы сказали: ночью может что-то случиться и необходимо будет выйти. [Я выхватываю эти слова, так как они меня полностью ошеломили. Для меня они звучат двусмысленно. Не теми ли самыми словами говорят об определенных телесных потребностях? Двусмысленные слова являются как бы пунктом «смены» в потоке ассоциаций. Если же такая смена сильно отличается от того, что проявилось в содержании сновидения, то, вероятно, мы попали в колею, по которой искомые и еще скрытые мысли движутся за пределами сновидения.]

Дора находит связь между недавним и тогдашним поводами для сновидения, так как она продолжает:

«Когда мы тогда прибыли в Л., папа и я, он прямо сказал о своем страхе перед пожаром. Мы приехали в страшную грозу, увидели маленький деревянный домик, который не имел громоотвода. Здесь этот страх был совершенно оправдан».

Теперь мне предстоит обоснование связи между событиями в Л. и тогдашними идентичными сновидениями. Итак, я спрашиваю: Вы видели это сновидение в первые ночи в Л. или в последующие, перед Вашим отъездом, то есть перед или после известных событий в лесу? (А я знаю, что эта сцена произошла сразу же в первый день и что она после нее еще несколько дней оставалась в Л., не давая каких-либо поводов для подозрений).

Вначале она отвечала: «Я не знаю». Через какое-то время: «Я все же думаю, что после».

Итак, теперь я знал, что это сновидение было одной из реакций на то переживание. Но почему оно появилось там три раза? Я спрашиваю дальше: Как долго после той сцены Вы еще оставались в Л.?

«Еще четыре дня, на пятый я с папой уехала».

Теперь я уверен, что сновидение было непосредственным воздействием переживаний из-за господина К. Вы увидели его (сновидение) первый раз там, не ранее. Вы только

добавили неуверенность при воспоминании, чтобы стереть эту связь. [См. уже сказанное в начале работы о сомнениях при воспоминании.]. Но не все еще, на мой взгляд, согласуется с цифрами. Если Вы оставались еще четыре ночи в Л., то Вы можете увидеть этот сон четыре раза. Возможно, это так и было?

Она более не отрицает моего утверждения, но вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, продолжает [а именно вначале должен появиться новый материал из воспоминаний, прежде чем можно будет ответить на поставленный мною вопрос]: «Во второй половине дня после нашей поездки на озеро, с которой мы, господин К. и я, возвратились днем, я, как обычно, легла в спальне на софу, чтобы немножко вздремнуть. Неожиданно я проснулась и увидела господина К. перед собой..».

То есть, подобно тому, как в сновидении Вы увидели папу стоящим перед Вашей кроватью?

«Да. Я потребовала его к ответу, что ему здесь нужно. Он сказал в ответ, что он не может себе запретить входить в свою собственную спальню, когда захочет. Впрочем, он хотел что-то забрать. Став из-за пережитого более осторожной, я спросила у госпожи К., нет ли какого-нибудь ключа от спальни, и следующим утром (во второй день) закрыла за собой на ключ туалет. Когда же я потом после обеда захотела запереться, чтобы опять прилечь, ключа уже не было. Я убеждена, что его забрал господин К».

Таким образом, все это касается темы замыкания или незамыкания комнаты, которая появилась в первой ассоциации со сновидением и которая случайно к тому же сыграла свою роль и в новом поводе к сновидению. [Я предположил, не говоря еще этого Доре, что этот элемент был выбран ею из-за его символического значения. «Комнаты» в сновидении довольно часто представляют собой просто женщину, и «открыта» или «закрыта» она, может быть, естественно, не совсем безразличным. Хорошо известно и то, каким «ключом» в этом случае открывают.] Должна ли фраза из сновидения «я быстро одеваюсь» также принадлежать этому контексту?

«Тогда я решила не оставаться без папы у К. На следующее утро я жутко боялась, что господин К. может захватить меня во время туалета врасплох, и потому я всегда одевалась очень быстро. Папа, конечно же, жил в отеле, а госпожа К. уходила всегда очень рано, чтобы совершить с отцом экскурсию. Но господин К. с тех пор больше меня не беспокоил».

Я понимаю, что во второй половине второго дня Вы приняли решение не подвергаться таким преследованиям, а затем во время второй, третьей и четвертой ночи после сцены в лесу у Вас нашлось время, чтобы повторить себе это намерение во сне. То, что в ближайшее — третье утро, у Вас не будет ключа, чтобы закрыться при одевании, Вы, конечно же, знали уже во время второго послеобеденного времени, то есть до Вашего сновидения, и могли запланировать для себя, насколько только возможно быстрое

завершение туалета. Но Ваше сновидение повторялось каждую ночь, так как оно как раз соответствовало одному из намерений. Любое намерение сохраняется до тех пор, пока оно не осуществляется. Одновременно Вы сказали: у меня не было покоя, я не могла спокойно спать, пока я не оказалась вне этого дома. В сновидении же Вы говорите наоборот: как только я оказываюсь во дворе, я просыпаюсь.

На этом месте я прерываю сообщение анализа, чтобы сравнить эту частичку толкования сновидения с моими общими высказываниями о механизме образования сновидения. Я уже показал в моей книге («Толкование сновидений», 1900 г.), что любое сновидение является как бы изображением уже реализованного желания. Само же изображение должно что-то скрывать, если желание вытеснено и принадлежит бессознательному. Не беря во внимание детские сновидения, только бессознательное желание или же желание, простирающееся вплоть до бессознательного, имеет возможность сформировать сновидение. Я полагаю, что, наверняка, снискал бы общее одобрение, если бы я удовлетворился лишь утверждением, что у любого сновидения существует смысл, который открывается посредством определенной работы толкования. После осуществленного толкования сновидение можно заместить мыслями, которые в легко опознаваемых местах чутко откликаются на события душевной жизни бодрствования. Тогда я мог бы продолжить и далее, что этот смысл сновидения оказывается столь же разнообразным, как и ход мыслей бодрствования. Один раз это реализованное желание, другой раз осуществленное опасение, далее, например, продолжающееся во сне размышление, какое-либо намерение (как в сновидении Доры), часть духовного творчества во сне и тому подобное. Конечно же, такое объяснение подкупало бы своей доходчивостью и могло бы опираться на громадное число хорошо истолкованных примеров, как, например, на проанализированный здесь сон.

Но вместо этого я выставил только одно общее утверждение, которое ограничивает смысл сновидения всего одной единственной формой мысли, изображением желаний, и вызвал чрезвычайно распространенную реакцию протеста. Но я должен сказать, что не считаю себя обладающим правом или обязанностью на упрощение какого-либо психологического процесса для большего удобства читателей, если мое исследование выявляет осложнение, преодоление которого в чем-то едином могло было быть найдено только другим способом. Поэтому особой ценностью для меня будет возможность показать, что кажущиеся исключения, подобные приведенному здесь сновидению Доры, которое вначале видится как продолжающееся во сне намерение дня, на самом деле заново подтверждают оспариваемое правило.

* * *

Конечно же, нам еще осталось истолковать большую часть сновидения. Я спрашивал дальше: А что же со шкатулкой с драгоценностями, которые мама хотела спасти?

«Мама очень сильно любит украшения и много их получила от папы».

А Вы?

«Раньше я тоже очень любила украшения. Но после болезни я больше не выношу ни одного из них. Тогда, четыре года назад (за год до нашего сновидения), была большая ссора между папой и мамой из-за какого-то украшения. Мама хотела носить в ушах каплевидные жемчужины, но папа это не любил и вместо этих жемчужин принес ей браслет. Она была в ярости и сказала ему, что если он уже растратил столь много денег, чтобы подарить то, что она не любит, то ему остается только подарить это другой».

И тогда Вы подумали, что охотно бы это приняли?

«Я не знаю [обычный тогда для нее способ выражения, чтобы признать нечто вытесненное.], и вообще не догадываюсь, каким образом мама появилась в сновидении. Она же не была тогда в Л». [Это замечание, свидетельствующее о полном непонимании обычно хорошо ей известных правил толкования сна, так же, как и,нерешительный способ и скудность ее ассоциаций в случае со шкатулкой с драгоценностями, доказывали мне, что речь здесь шла о материале, который был очень сильно вытеснен.]

Я объясню Вам это позднее. Вам не приходит в голову больше ничего другого о шкатулке с драгоценностями? До сих пор Вы говорили только об украшениях и совсем ничего о шкатулке.

«Да, некоторое время назад господин К. подарил мне драгоценную шкатулку для украшений».

Итак, этот ответный подарок здесь был как раз к месту. Возможно, Вы не знаете, что «шкатулка с драгоценностями» является излюбленным обозначением того, на что Вы недавно намекнули по поводу подвешенной сумочки [об этой сумочке смотри ниже], обозначением женских гениталий.

«Я знала, что Вы скажете это». [Очень распространенный способ устранения всплывающих из вытесненного знаний].

Это значит. Вы знали это. Теперь смысл сновидения становится еще яснее. Вы подумали про себя:этот мужчина подстерегает меня, он хочет проникнуть в мою комнату, моей «шкатулке с драгоценностями» угрожает опасность, и если тут случится беда, то виной этого будет папа. Поэтому в сновидении Вы создаете ситуацию, которая выражает нечто совсем противоположное, опасность, от которой вас спасает папа. В этой области сновидений вообще все превращается в свою противоположность. Вскоре Вы услышите, почему. Конечно, что-то таинственное связано с мамой. Как здесь появилась мама? Она, как Вы знаете, была ранее Вашей конкуренткой в борьбе за благосклонность папы. В том событии с браслетом Вы хотели бы с радостью принять то, что отвергла мать. А теперь позвольте себе заместить «принять» на «давать», «отвергать» на «отказывать». Тогда все это

означает, что Вы были готовы дать папе то, в чем ему. отказала мама, и это имеет что-то общее с украшением. [И для упомянутых жемчужин мы сможем позднее привести требуемое контекстом толкование]. Теперь припомните шкатулку с украшениями, которую подарил Вам господин К. Здесь у Вас начало параллельного ассоциативного потока мыслей, в котором у Вас постоянно появляются вещи подобные тому, что в ситуации возле Вашей кровати вместо стоящего отца на самом деле появился господин К. Он подарил Вам шкатулку с драгоценностями. Таким образом, в ответ Вы тоже должны ему подарить Вашу шкатулку с украшениями, поэтому несколько ранее я говорил об «ответном подарке». В этом ассоциативном потоке мыслей Ваша мама замещается госпожой К., которая, наверняка, тогда тоже присутствовала. Итак, Вы полностью готовы подарить господину К. то, в чем ему отказывает его жена. Здесь у Вас такая мысль, которая с очень большими усилиями должна вытесняться, которая с необходимостью требует превращения всех элементов в их полную противоположность. Как я уже говорил об этом сне ранее, это сновидение вновь подтверждает, что Вы воскресили прежнюю любовь к папе, чтобы защититься от любви к господину К. Но что же доказывают все Ваши усилия? Не только то, что Вы боитесь господина К., но и то, что еще больше Вы боитесь саму себя, Вашего искушения отдаться ему. Тот есть, всем этим Вы лишь подтверждаете, насколько интенсивной была любовь к нему. [К этому я еще добавлю: из-за повторных появлений этого сновидения в те последние дни я должен прийти к выводу, что Вы рассматриваете ту же самую ситуацию как повторяющуюся, что Вы решили прекратить курс лечения, к которому, конечно. Вас принуждает только папа. Последствия показали, насколько верно я все это разгадал. Мое толкование соприкасается здесь как практически, так и теоретически с необычайно важной темой «переноса», для подробного рассмотрения которой в этом сочинении будет просто мало возможностей.]

Естественно, что в этой части толкования она не хотела участвовать.

Но я считал оправданным продолжение толкования сновидения, которое казалось незаменимым в той же самой степени как для анамнеза самого случая, так и для теории сновидений. Я обещал Доре сообщить все это на последующем сеансе.

Именно потому, что я не мог забыть впечатления, которое, как мне казалось, создавалось примечательными двусмысленными словами (что нужно выйти, что ночью может случиться беда), сюда же добавилось и то, что мне казалось неполным объяснение этого сновидения, поскольку не было выполнено определенное требование, которое хотя я и не желаю еще выставить публично, но реализации которого я с пристрастием добиваюсь. Образцовое сновидение стоит одновременно на двух ногах, из которых одна опирается на существенный актуальный повод, а другая — на чреватые тяжелыми последствиями события детских лет. Между ними, т.е. детскими переживаниями и современными, сновидение

протягивает цепочку, оно пытается переформировать настоящее по прообразу более раннего переживания. Желание, которым вызывается сновидение, конечно же, приходит из детства. Оно постоянно пытается заново пробудить детство в реальности, исправить настоящее на основе детства. Части, которые бы можно было составить с намеком на одно из детских событий, как я полагал, должны быть ясно видны в содержании сновидения.

Я начал обсуждение этого с одного небольшого эксперимента, который как обычно удался. Случайно на столе стоял коробок для спичек. Я попросил Дору посмотреть вокруг, не сможет ли она увидеть на столе нечто особое, что обычно не стояло на нем. Она ничего не заметила. Тогда я спросил, не знает ли она, почему детям запрещают играть со спичками.

«Да, из-за опасности пожара. Дети моего дяди очень любят играть со спичками».

Не только из-за этого. Их предостерегают: «Не зажигать», — и связывают с этим определенную веру.

Она ничего не знала об этом.

Итак, боятся, что они написают в постель. В основе этого, наверное, лежит противоположность воды и огня. Это может быть вызвано, например, тем, что им будет сниться пожар и тогда они попытаются потушить его водой. Более точно об этом я не могу сказать. Но я вижу, что эта противоположность воды и огня оказала Вам большую услугу в сновидении. Мама хочет спасти шкатулку с драгоценностями, чтобы она не сгорела, а в мыслях сновидения все сводится к тому, чтобы эта «шкатулка с драгоценностями» не стала мокрой. Но огонь появляется не только как противоположность воды, он служит и для прямой символизации любви, влюбленности, сгораемости от страсти. От огня, таким образом, одна колея посредством символического значения ведет к любовным мыслям, другая идет посредством своей противоположности к воде, из которой ответвляется еще одно новое отношение к любви, когда что-то делается мокрым, где-то уже в другом месте... где же? Подумайте о Ваших выражениях; ночью произойдет беда, нужно выйти. Не означает ли это какую-либо телесную потребность, и если Вы переместите такую беду в детство, возможно ли, что она будет чем-то иным, чем той, при которой постель становится мокрой? Но что делают, чтобы предотвратить писание детей в постель? Не правда ли, что их пробуждают ночью ото сна, совершенно так же, как в сновидении делает с Вами папа? Итак, это было реальным событием, от которого Вы берете себе право на замещение папой господина К., который разбудил Вас ото сна. Итак, я должен заключить, что Вы дольше страдали от недержания мочи, чем обычно бывает у детей. Такой же самый случай должен быть у Вашего брата. Ведь папа говорит:»Я не хочу, чтобы оба моих ребенка... погибли». Ничего другого общего с актуальной ситуацией, связанной с отношениями к господину К., у брата нет, он и не приехал в Л. Что скажут сейчас на это Ваши воспоминания?

«О себе я ничего не знаю, — отвечала она, — но брат до шестого или седьмого года

писался в постель. Иногда такое случалось с ним и днем».

Я как раз хотел обратить ее внимание на то, насколько легче в подобной ситуации вспоминаешь о брате, чем о себе, как вдруг она продолжила остановившееся воспоминание: «Да, у меня это тоже случалось, но только недолго, на седьмом или восьмом году. Должно быть, это зашло далеко, так как сейчас я вспоминаю, что спрашивали совета у доктора. Это было незадолго до нервной астмы».

Что сказал доктор?

«Он объяснил это нервной слабостью; все быстро исчезнет, сказал он, и прописал укрепляющее средство» [этот врач был единственным, которому она полностью доверяла, так как на этом событии она заметила, что он не собирается ворошить ее тайну. Перед любым другим врачом, которого она еще не могла до конца оценить, она ощущала страх, который, как сейчас стало видно, мотивировался тем, что тот мог бы разгадать ее тайну.]

Толкование сновидения казалось мне теперь полностью завершенным. [Ядро этого сновидения в переводе звучало бы примерно так: искушение сильно. Дорогой папа, защити меня вновь, как в детские времена, чтобы моя постель не стала мокрой!] Еще одно дополнение к сновидению она привела на следующий день. Она забыла рассказать, что каждый раз после пробуждения чувствовала запах дыма. Конечно же, дым хорошо подходил к пожару, дым указывал и на то, что это сновидение имеет особое отношение и к моей персоне, так как я часто, когда она утверждала, что тут или там за этим ничего не скрывается, говорил ей:»Нет дыма без огня». Но на это исключительно личное толкование она возразила тем, что господин К. и папа являются заядлыми курильщиками, как, впрочем, и я. Она сама курила на озере, а господин К., еще до того, как он начал свое несчастливое ухаживание, скрутил ей сигаретку. Она была так же твердо уверена в том, что помнит, что запах дыма был не только в последнем, но уже и в трех первых сновидениях в Л. Так как она отказалась дать другие сведения, то мне самому было предоставлено выбирать, каким образом я внесу это добавление в общую канву мыслей сновидения. В качестве точки опоры мне могло бы служить то, что ощущение курения появилось на сеансе как дополнение, то есть должно было особым усилием преодолеть вытеснение. Поэтому оно, вероятно, принадлежит к наиболее тускло представленным и наиболее вытесненным мыслям, то есть относящимся к искушению отдаться мужчине. Тогда оно вряд ли могло значить что-то иное, чем страсть к поцелую, который у курильщика явно имеет вкус дыма. Один поцелуй между ними был, однако, около двух лет назад. Он, конечно же, повторился бы еще, если бы девушка ответила на ухаживания. Таким образом, мысли об искушении возвращают к этой более ранней сцене и пробуждают воспоминания о поцелуе, против соблазна которым эта «сосательница» защищалась в свое время тошнотой. Когда я, наконец, собираю в единое целое все те признаки, которыми проявляется перенос на меня, так как я тоже курильщик, то

прихожу к мнению, что, вероятно, в один из дней во время сеанса ей пришло в голову пожелать от меня поцелуй. Это было для нее поводом к повторению сна-предостережения и принятию решения о прекращении курса лечения. Хотя все это очень хорошо согласуется, но в силу качеств «переноса» лишается доказательств.

Я мог бы теперь колебаться в том, должен ли я вначале приняться за выяснение ценности этого сновидения для истории болезни в данном клиническом случае, или же я скорее должен довести до конца полученные в нем возражения против теории сновидений. Я выбираю первое.

Полностью оправдываются усилия, затрачиваемые нами на подробное исследование значения недержания мочи в предыстории невротиков. Из-за любви к наглядности я ограничусь лишь тем, что подчеркну, что случай недержания мочи Дорой был необычен. Это нарушение не просто продолжалось долее допустимого для нормальных детей времени, но на основании ее определенных данных вначале исчезло и затем относительно поздно, после шестого года жизни, наступило вновь. Такое недержание мочи, по моему мнению, вряд ли имеет более вероятную причину, чем мастурбация, которая в этиологии недержания мочи вообще еще играет слишком недооцененную роль. Самим же детям, по моему опыту, очень хорошо известна эта связь, и все психические последствия выводятся из этого таким способом, словно они никогда эту связь и не забывали. В то время, когда было рассказано сновидение, одно из направлений расследований, признавало за детской мастурбацией такое большое значение. Некоторое время до этого пациентка затронула следующую проблему: почему же именно она стала больной, и прежде чем я дал ответ, свалила всю вину на отца. Это были не бессознательные мысли, а осознанное знание, которое и могло легко обосновать это мнение. К моему удивлению девушка знала о том, каковой природы была болезнь отца. После возвращения отца из моего врачебного кабинета она подслушала какой-то разговор, где была названа сама болезнь. А еще гораздо раньше, во время отделения сетчатки, вызванный для консультации окулист указал на сифилитическую этиологию, так что любопытная и озабоченная девочка слышала, как одна из старых теток сказала тогда маме: «Конечно же, он был болен еще до брака», — и добавила еще что-то для нее совсем непонятное, что позднее она связала с какими-то непристойными вещами.

Итак, из-за своего легкомысленного образа жизни отец стал больным, и она решила, что он передал ей эту болезнь по наследству. Я остерегался говорить ей, что я, как было упомянуто вначале, так же разделяю подобное мнение, что потомки сифилитиков особенно явно предрасположены к тяжелым невропсихозам. Продолжение этого, обвиняющего отца, ассоциативного потока мыслей шло посредством бессознательного материала. В течение нескольких дней она идентифицировалась с незначительными симптомами и качествами матери, что дало ей возможность добиться выдающегося уживания с невыносимым. А затем

это позволило мне догадаться, что она думала о пребывании во Францэнсбаде, который она посетила, — я уж и не помню больше, в каком году — в сопровождении матери. Мать страдала от болей в животе и от одного особого рода выделения — катара, который сделал необходимым францэнсбадский курс лечения. Она считала — по-видимому, опять справедливо — что эта болезнь идет от папы, который таким образом заразил своим половым недугом мать. Было совершенно понятно, что при таком выводе она, как и вообще большая часть дилетантов, смешала в одну кучу гонорею и сифилис, наследственное и инфицированное половым путем. Ее упрямость в этой идентификации, практически навязала мне вопрос, нет ли у нее самой венерической болезни? Тогда я узнал, что и она страдает катаром (Fluor albus), о начале которого она не может ничего вспомнить.

Теперь я понял, что за ассоциативным потоком мыслей, открыто обвинявших отца, скрывается как обычно самообвинение, и потому вслед за этим я стал уверять ее, что бели у юных девушек, по моим взглядам, в основном, намекают на мастурбацию, и что все остальные причины, которые обычно приводятся в связи с таким страданием, я оставляю безо всякого внимания. [Дополнение 1923 года. Одно из экстремальных суждений, которое сегодня я не смог бы уже представлять.] Итак, в поисках ответа на свой вопрос, почему же заболела именно она, Дора была вынуждена признаться в мастурбации, вероятнее, в детские годы. Но она самым решительным образом отрицала любую возможность вспомнить о чем либо подобном. Но несколькими днями позже она кое-что продемонстрировала, что я вынужден рассматривать как еще одно приближение к этому признанию. В этот день, чего, конечно же, не было ни ранее, ни позднее, она повесила на руку сумочку-кошелек самой модной формы и играла им, рассказывая что-то, лежа на кушетке. Она делала это посредством того, что открывала его, засовывала туда палец, опять его закрывала и тому подобное. Некоторое время я просто смотрел на это, а затем объяснил ей, что такое симптоматическое действие [См. мою работу «О психопатологии обыденной жизни» в Ежемесячнике по психиатрии и неврологии за 1901 год, как книга она появилась в 1904 году.] Симптоматическими я называю те действия, которые человек осуществляет, как говорят, автоматически, бессознательно, не обращая на них никакого внимания, как бы просто играючи. Любое иное их значение он бы полностью отрицал и назвал бы их безразличными и случайными, если бы его о них спросили. Более тщательное наблюдение показывает, что такие действия, о которых сознание ничего не знает или ничего не желает знать, дают возможность проявиться бессознательным мыслям и импульсам. И таким образом в качестве допущенных проявлений бессознательного они становятся ценными и поучительными. Существует два способа бессознательного поведения по отношению к симптоматическим действиям. Если можно найти им пустячное обоснование, то легко устраняется и их познание. Если же отсутствует такой разумный предлог со стороны

сознания, то, как правило, люди вообще не замечают того, что их осуществляют. В случае Доры такое обоснование было легким: «Почему я не должна носить такую сумочку, которая сейчас очень модна?» Но наличие такого оправдания не устраняет возможности бессознательного происхождения соответствующего действия. С другой стороны, происхождение и смысл, придаваемые такому действию, могут оказаться неубедительными. Нужно удовлетвориться констатацией того, что таковой смысл очень хорошо подходит контексту существующей ситуации, с повесткой дня «бессознательное».

В другой раз я предложу целую коллекцию таких симптоматических действий в том виде, в каком их можно обнаружить у здоровых и у нервных. Сами же толкования иногда очень легки. Двухслойная сумочка Доры является не чем другим, как изображением гениталий, а ее игра с нею, ее открывание и засовывание туда пальца действительно развязное, но очевидное пантомимическое сообщение о том, что она хотела бы делать, а именно, мастурбировать. Не так давно я столкнулся с подобным же случаем, который может значительно поднять настроение. Одна пожилая дама вытаскивает в середине сеанса небольшую костяную коробочку, по-видимому, чтобы посредством конфеты увлажнить пересохшее горло. Она старается открыть ее, а затем после ряда неудачных попыток протягивает ее мне, чтобы я мог убедиться, насколько трудно она этому поддается. Я выражаю мое недоверие этой просьбе. Эта коробочка могла бы значить и что-то особенное, я же вижу ее только в первый раз, хотя ее обладательница посещает меня уже более года. На это дама с пылом возражает: «Эту коробочку я всегда ношу с собой. Куда бы я ни пошла, я всегда беру ее с собой!» Она успокоилась лишь после того, как я смеясь обратил ее внимание на то, насколько хорошо ее слова подходят и к другому значению. Коробка — box — так же, как и сумочка, как шкатулочка с драгоценностями, вновь является лишь заместительницей раковины Венеры, женских гениталий!

Вообще в жизни имеется много такой символики, мимо которой мы по привычке проходим безо всякого внимания. Когда я поставил своей задачей пролить свет на то, что люди скрывают, не посредством гипнотического принуждения, а лишь внимательно наблюдая за тем, что они сами говорят и показывают, я считал эту задачу более трудной, чем она оказалась в действительности. Тот, чьи губы молчат, выдает себя кончиками пальцев. Из всех пор просачивается предательство. И потому эта задача по осознанию наиболее скрытого в душе очень хорошо разрешима.

Симптоматическое действие Доры с сумочкой не было ближайшим предшественником нашего сновидения. Сеанс, принесший нам рассказ о сновидении, был начат ею посредством другого симптоматического действия. Когда я вошел в комнату, где она ожидала, то она быстро спрятала какое-то письмо, которое читала. Естественно, что я спросил, от кого письмо, и вначале она отказалась отвечать. А затем выявилось что-то, что

было в высшей степени незначительным и вообще не имело никакого отношения к нашему курсу лечения. Это было письмо от бабушки, в котором та просила ее почаще писать. Я думаю, что она хотела лишь продемонстрировать мне наличие «тайны» и намекнуть, что сейчас она позволяет врачу вырвать эту тайну. Теперь я объяснил себе ее нерасположенность к любому новому врачу тем страхом, который бы она ощутила, если бы врач при исследовании (из-за катара) или опросе (посредством выяснения сведений о недержании мочи) пришел к главной причине ее страдания, разгадав ее мастурбацию. Потом она всегда очень пренебрежительно говорила о врачах, которых до знакомства, очевидно, переоценивала.

Обвинение отца в том, что он сделал ее больной, за которым стоит обвинение себя — Fluor albus — игра с сумочкой — недержание мочи на шестом году — тайна, которую она не хочет, чтобы врачи разгадали. Я считаю, что привел практически все признаки, доказывающие наличие мастурбации в детстве. В этом случае я начал догадываться о мастурбации, еще когда она рассказала мне о приступах болей в животе у кузины (смотри выше), а затем позже идентифицировалась с нею. Целыми днями она жаловалась на те же самые болезненные ощущения. Хорошо известно, насколько часто такие колики наступают у мастурбантов. На основе сообщения, полученного мною от В. Флисса, это как раз такие гастралгии, которые прерываются какоинизацией найденных им «мест желудка» в носу и могут излечиваться посредством их прижигания. Дора подтвердила идею мастурбации как тем, что она сама часто страдала от колик в животе, так и тем, что она кузину с такими болями с полным основанием считала мастурбанткой. Для всех больных является обыденным, что они легко познают взаимосвязи у других, а познание этого же в отношении собственной личности для них невозможно из-за чувств сопротивления. И хотя они уже не отрицают догадок аналитика, однако ничего еще не вспоминают. Также и определение времени недержания мочи — «почти перед самым наступлением нервной астмы» — я считаю клинически очень ценным. Истерические симптомы почти никогда не появляются, пока дети занимаются мастурбацией, а только лишь в периоды воздержания. [То же самое в принципе присуще и взрослым, хотя здесь достаточно и относительного воздержания, ограничения мастурбации, так что при мощном либидо истерия и мастурбация могут появиться вместе.] Болезнь как бы замещает собой удовлетворение, получаемое посредством мастурбации, так как желание остается сохранным в бессознательном, поскольку не наступает какого-либо другого более приемлемого удовлетворения. Последнее условие является поворотом в возможном лечении истерии посредством брака и нормального полового сношения. Если такое удовлетворение в браке опять прекращается, например, из-за прерванного акта, психического отчуждения и тому подобного, то либидо опять отыскивает свое старое русло и опять же заново выражается в истерических симптомах.

Я охотно хотел бы еще добавить надежные сведения, касающиеся того, когда и в результате какого особого влияния у Доры была подавлена мастурбация. Но незавершенность анализа вынуждает меня представить здесь лишь фрагментарный материал. Мы уже слышали, что ее недержание мочи продержалось почти вплоть до первого заболевания диспноэ. Единственное, что она смогла сказать для прояснения этого, было то, что тогда папа в первый раз после своего выздоровления был в отъезде. В этом сохранившемся кусочке воспоминания должны быть намеки на отношение к этиологии диспноэ. Теперь в проявлении симптоматических действий и ввиду еще некоторых других признаков у меня были хорошие основания подозревать, что ребенок, чья спальня находилась рядом с родительской, подслушал одно из ночных посещений отцом своей жены и слышал пыхтение при коитусе и без того страдающего одышкой мужчины. В таких случаях дети, хотя и смутно, рассматривают сексуальное как какие-то жуткие шорохи. Движения для проявления сексуального возбуждения, конечно же, находятся у них наготове в качестве прирожденного механизма. То, что диспноэ и сердцебиение при истерии и неврозе страха являются лишь выхваченными частями из процесса коитуса, я пояснил еще годы назад. Во многих же случаях, подобных Дориному, я смог объяснить симптом диспноэ, нервную астму, наличием одной и той же причины, подслушиванием сексуального сношения взрослых. Под влиянием появившегося тогда совозбуждения вполне вероятно мог наступить перелом в сексуальности малышки, который заместил мастурбационную склонность склонностью к страху. Некоторое время спустя, когда отец отсутствовал и влюбленный ребенок выдумывал себе самые разные страсти, то старое впечатление повторилось заново в виде астматического припадка. Из сохранившихся в памяти поводов к этому заболеванию еще можно обнаружить наполненный страхом ассоциативный поток мыслей, сопровождавших этот припадок. Впервые припадок появился после того, как она переутомилась после хождения по горам, вероятно, даже ощутив реальную небольшую одышку. К нему позднее добавилась еще и идея, что отцу запрещен подъем в горы, что он не должен переутомляться, так как его надолго не хватит, затем то воспоминание, когда он в одну из ночей у мамы затратил такие чрезмерные усилия, не повредили ли они ему, затем забота о том, не переусердствовала ли она с мастурбацией, ведущей одновременно к сексуальному оргазму и к незначительному вначале диспноэ, а позднее усиливающемуся нарастанию диспноэ вплоть до закрепления в виде симптома. Часть этого материала я смог получить в самом анализе, другую же часть я должен был дополнить. При установлении факта наличия мастурбации мы обнаружили, что какой-либо материал для определенной темы появляется лишь по кусочкам в различное время и в различных отношениях. [Точно таким же способом осуществляется доказательство инфантильной мастурбации и в других случаях. Материал для этого чаще всего имеет сходную природу: намеки на Flour albus,

недержание мочи, церемониал рук (навязчивое мытье) и тому подобное. Была ли или нет эта привычка разоблачена кем-то из заботящихся о ребенке, завершилась ли такая сексуальная практика в результате борьбы с нею или посредством неожиданной смены курса, можно достаточно надежно определить по соответствующей симптоматике случая. У Доры мастурбация осталась неразоблаченной, а исчезла в одно мгновение (тайна, страх перед врачами — замещение посредством диспноэ). Больные все же постоянно оспаривают убеждающую силу этих примет, даже и тогда, когда в сознательном воспоминании осталось воспоминание о катаре или о предостережении матери («Это делает глупым, это просто скверно»), Но можно с уверенностью сказать, что некоторое время спустя появится столь долго вытесняемое воспоминание об этой части детской сексуальной жизни, и именно при всех случаях. У одной из пациенток с навязчивыми представлениями, бывшими прямым последствием инфантильной мастурбации, имели место черты запрета и наказания себя, если она только осмеливалась это делать, и полное отсутствие беспокойства, когда она занималась своими навязчивыми мыслями; включение пауз между каким-то одним мероприятием (с руками) и последующим, мытье рук и так далее — оказались сохранившимися в неизменном виде частями кампании ее воспитателей по борьбе с дурной привычкой. Единственным, что еще сохранилось в ее памяти было предостережение: «Фу, это же скверно!» Об этом смотри также мои «Три очерка по теории сексуальности», 1905 г.].

Теперь возникает целый ряд важнейших вопросов по этиологии истерии. Можно ли рассматривать случай Доры как типичный для этиологии, выявляет ли он единственную возможность причинной связи и т.д. Но я думаю, что я совершенно прав в том, что оставляю все эти вопросы без ответа до сообщения большего числа подобно проанализированных случаев. Кроме того, я вообще должен исправить такую постановку вопроса. Вместо того, чтобы ответить здесь просто «да» или «нет» на вопрос, искать ли этиологию нашего клинического случая в детской мастурбации, я вначале проясню понятие этиологии для психоневрозов. Точка зрения, исходя из которой я мог бы отвечать, оказалась бы существенно отличной от точки зрения, исходя из которой ставится мне такой вопрос. Для нашего случая будет достаточно уже того, если мы просто убедимся, что здесь явно присутствует и доказуема детская мастурбация, что она не может быть чем-то случайным и безразличным для появления этой болезни. [При разучивании и привыкании к мастурбации нельзя не упускать и какое-то влияние брата, так как в связи с этим она рассказала с особой энергией, выдающей наличие «ложного воспоминания», что брат постоянно заражал ее всеми инфекциями, которые сам он переносил легко, она же тяжело. И в сновидении брат оберегается от «гибели». Он тоже страдал от недержания мочи, но прекратил это делать еще до того, как это перестала делать сестра. В определенном смысле «ложным воспоминанием» было и то, что она высказывалась, что могла поспевать в

обучении за братом до своего первого заболевания, после которого она стала отставать от него. Словно она была до того мальчиком и только потом стала девочкой. Она действительно была ранее диким существом, а начиная с «астмы» стала тихой и скромной. Это заболевание образовало у нее границу между двумя фазами половой жизни, из которых первая имела мужской характер, а вторая — женский.] Еще лучшее понимание симптомов Доры сулит нам возможность кропотливого выяснения значения Fluor albus, в заболевании которым она призналась. Слово «катар», которым мы научились называть ее недуг, после того как подобное страдание матери сделало необходимым Францэнсбад, является опять же еще одной «сменой». Посредством нее целому ряду мыслей, связанных с обвинением отца в заражении болезнью, открывается доступ к новому проявлению посредством симптома кашля. Этот кашель, который, конечно, изначально произошел от незначительного реального катара был помимо того, подражанием обремененному таким же легочным недугом отцу, а, кроме того, давал этим еще и возможность проявиться ее состраданию и заботе. Одновременно кашель выкрикивал в мир то, что, возможно, тогда она еще не осознавала: «Я папина дочка. У меня такой же катар, как у него. Он сделал меня больной тем же самым способом, что и маму. От него у меня нехорошие страсти, которые наказываются посредством болезни.» [Ту же самую роль играло слово для 14-летней девочки, историю болезни которой я изложил вначале всего в нескольких строчках. Я направил этого ребенка в сопровождении интеллигентной дамы, работавшей у меня санитаркой, в один из пансионатов. Эта дама сообщила мне, что маленькая пациентка не терпела ее присутствия при отходе ко сну. Обращал на себя внимание и ее необычный кашель в постели, которого, ранее вообще не было слышно целыми днями. Когда малышку спросили об этом симптоме, ей пришло в голову только то, что так кашляла ее бабушка, о которой говорили, что у нее катар. Тогда стало ясно, что и у нее катар, который она не хочет замечать на предпринимаемых по вечерам очистительных процедурах. Катар, который при помощи этого слова был смещен снизу вверх, проявил необычайную интенсивность.]

Теперь мы можем попытаться собрать воедино различные детерминации, которые найдены нами для припадков кашля и хрипоты. За наиболее нижний слой этой системы следует принять реальное, органически обусловленное появление кашля, то есть песчинку, вокруг которой образуется перламутровая раковина. Такое раздражение всегда фиксируется, так как оно соответствует той области тела у девочки, которая в высокой степени соответствует значению эрогенной зоны. То есть оно хорошо подходит для того, чтобы создать условия для проявления возбужденного либидо. Оно вероятнее всего фиксируется посредством первого психического «переодевания», имитации сострадания к больному отцу, а затем посредством укоров самой себе из-за «катара». Та же самая группа симптомов

оказывается далее способной изобразить отношения к господину К., сожаление из-за его отсутствия и желание быть для него лучшей женой. После того, как часть либидо опять возвращается к отцу, этот симптом, возможно, получает свое последнее значение для изображения сексуального сношения с отцом в идентификации с госпожой К. Я мог бы ручаться за то, что этот ряд ни в коем случае не является полным. К сожалению, этот неполный анализ не позволяет проследить смену значений по времени, прояснить последовательность и совместное существование различных значений. Такие требования можно выставить для более полного анализа.

Я не могу здесь упустить разбор дальнейших отношений генитального катара и истерических симптомов Доры. В те времена, когда психическое объяснение истерии находилось еще в неопределимой дали, я слышал как более старшие и опытные коллеги утверждали, что у истерических пациенток с Fluor любое ухудшение катара постоянно вызывает обострение истерических страданий, особенно отсутствие аппетита и рвоту. Эта связь не была никому достаточно ясна, но я думаю, что многие склонялись к мнению тех гинекологов, которые в широчайших масштабах держатся за прямое и органически вмешивающееся влияние гинекологических заболеваний на нервные функции. Наш же терапевтический опыт оставляет нас в этом отношении на полный произвол судьбы. При сегодняшнем состоянии наших знаний нельзя считать такое прямое и органическое влияние единственно возможным. Во всяком случае, гораздо легче доказуемо его психическое влияние — «переодеванием». Гордость из-за формы гениталий является у наших женщин совершенно особой частью их тщеславия. Половые же заболевания, которые считаются достаточными, чтобы вызвать антипатию или даже отвращение, оскорбляюще воздействуют на женщину в совершенно немыслимых размерах, унижая ее чувство собственного достоинства, делая раздражительной, повышенно ранимой и недоверчивой. Патологическая секреция слизистой влагалища рассматривается как омерзительная.

Вспомним, что после поцелуя господина К. у Доры появилось сильное чувство отвращения, и что мы нашли достаточно оснований, чтобы дополнить ее рассказ об этой сцене с поцелуем тем, что во время объятия она ощутила давление эрегированного члена на свое тело. Далее мы узнаем также, что та же самая гувернантка, которую она из-за неверности оттолкнула от себя, смогла все-таки донести до нее свой собственный жизненный опыт, а именно, что все мужчины легкомысленны и ненадежны. Для Доры это должно было означать, что все мужчины такие же, как папа. А своего отца она считала венериком, у него же была эта самая болезнь и он заразил ею мать. Таким образом, она могла бы себе вообразить, что все мужчины венерики, а ее понимание венерической болезни, естественно, было сформировано в результате единичного и к тому же личного опыта. Венерический больной в ее понимании должен быть обременен отвратительными

выделениями — не было ли это еще одним мотивом для появления тошноты, которую она ощутила в момент объятий? Такая перенесенная на прикосновение мужчины тошнота была бы тогда на основе упомянутого вначале этой работы примитивного механизма спроецированной, и относилась бы, изначально, к ее собственному Fluor.

Я полагаю, что речь здесь идет о бессознательном ассоциативном потоке мыслей, которые протекают над ранее сформированными органическими связями, подобно тому, как венок из цветов располагается на проволочном каркасе, так что иной раз можно найти проложенными и другие пути мысли между теми же самыми пунктами начала и конца. Познание этих действительных мыслительных связей является неизбежным для устранения симптомов. То, что мы в случае Доры должны прибегнуть к предположениям и дополнениям, вызвано лишь преждевременным прекращением анализа. То, что я привожу для заполнения брешей, повсюду опирается на материал, полученный в других, более основательно проанализированных случаях.

* * *

Это сновидение, посредством анализа которого мы получили вышеуказанные разъяснения, соответствует, как мы выяснили, тому намерению, которое Дора взяла вместе с собой в сон. Поэтому сновидение и повторялось каждую ночь, вплоть до того момента, пока это намерение не было реализовано. И то же сновидение появляется позднее вновь, как только выявился повод для того, чтобы прибегнуть к аналогичному намерению. Это намерение можно представить примерно в следующем виде: «Прочь из этого дома, в котором, как я увидела, моей девственности угрожает опасность. Я уезжаю с папой, а утром при туалете приму все меры предосторожности, чтобы не быть застигнутой врасплох. « Эти мысли находят свое явное осуществление в сновидении. Они принадлежат тому потоку, который добивается осознания и господства уже в бодрствующей жизни. Но за ним можно обнаружить и смутно представленный ассоциативный поток мыслей, который соответствует противоположному течению и потому подвергается подавлению. Он достигает своего апогея в искушении отдаться этому мужчине в знак благодарности за оказанную в последние годы любовь и нежность. Этот поток ассоциаций, вероятно, воскрешает в памяти воспоминание о единственном поцелуе, который до сих пор она позволила ему. Но по разработанной в моем «Толковании сновидений» теории сновидений таких элементов недостаточно, чтобы сформировать сновидение. Сновидение является не намерением, которое представляется как осуществленное, а исполненным бессознательным желанием. И именно, где только возможно, желанием из нашего детства. Теперь мы обязаны проверить, не противоречит ли последнее предложение нашему» сновидению.

Оно, это сновидение, фактически, содержит инфантильный материал, который, на первый взгляд, не находится ни в какой обоснованной связи с намерением сбежать из дома

господина К., и с искушением по отношению к нему. К чему всплывают воспоминания о недержании мочи в детском возрасте и об усилиях отца, чтобы приучить ребенка оставаться сухим и чистым? На это можно дать определенный ответ. Лишь с помощью такого ассоциативного потока мысли появляется возможность подавить интенсивные искушающие мысли и привести к господству направленное против них намерение. Ребенок решает бежать вместе со своим отцом. А в действительности он сбегает к своему отцу от страха перед подстерегающим его мужчиной. Это пробуждает заново инфантильную склонность к отцу, которая должна защитить ребенка от недавней склонности к чужому. В теперешней опасности отец сам виновен, так как он из-за собственных любовных интересов предоставил дочь чужому мужчине. Но насколько бы все прекраснее выглядело, если бы отец вообще никого не любил сильнее, чем ее, и старался бы спасти ее от опасностей, которые ей тогда угрожали. Это инфантильное и на сегодня еще бессознательное желание ставить отца на место чужого мужчины является силой, образующей сновидение. Если в прошлом имелась одна из ситуаций, которая несмотря на схожесть с теперешней все же отличается от нее вот таким замещением действующего лица, то она становится тогда главной ситуацией во всем содержании сновидения. Как раз таковая и имеется. Так же, как незадолго до сновидения и отец однажды стоял перед ее кроватью и будил посредством чего-то подобного поцелую, так же возможно намеревался сделать и господин К. Таким образом, одно намерение сбежать из дома не может само по себе породить сновидение. Таковым оно становится посредством того, что к нему присоединяется еще и другое, опирающееся на инфантильные желания. Желание заместить господина К. отцом наделяет сновидение движущей силой. Я вспоминаю толкование, на которое меня вынудил хорошо обоснованный, относящийся к связи отца с госпожой К. ассоциативный поток мыслей, что инфантильная склонность к отцу пробудилась заново лишь для того, чтобы вытесненную любовь к господину К. суметь удержать в вытеснении. Этот поворот в душевной жизни пациентки и отражает сновидение.

В «Толковании сновидений» я привел несколько замечаний о взаимоотношении между продолжающимися в сновидении мыслями бодрствования — дневными остатками — и бессознательным, образующим сновидение, желанием, которые я приведу здесь в неизмененном виде, так как не могу к ним ничего добавить. А анализ этого сновидения Доры еще раз заново доказывает, справедливость этих замечаний.

«Я хочу добавить, что имеется целый класс сновидений, толчок к которым происходит в основном или даже исключительно под влиянием моментов дневной жизни, и я полагаю, что даже мое желание когда-нибудь стать наконец экстраординарным профессором [это относится к анализу сновидения, взятого там в качестве образца] могло бы

позволить спать эту ночь спокойно, если бы дневные заботы о здоровье моего друга не были столь живыми. Но такие заботы еще не делают никакого сновидения. Движущая сила, в которой нуждается сновидение, должна вноситься каким-либо бессознательным желанием. Озабоченность здоровьем друга и была тем, что превратило такое желание в движущую силу сновидения. Это можно выразить метафорически следующим образом: вполне возможно, что какая-либо дневная мысль играет для сновидения роль предпринимателя. Но предпринимателя, который, имея определенную идею и стремление воплотить ее в действительность, все же остается вне дела, не имея капитала. Он нуждается в капиталисте, покрывающем все затраты. Вот именно таким капиталистом, всегда и бескорыстно покрывающим все психические расходы сновидения, какими бы ни были дневные мысли, и является одно из желаний в бессознательном».

Тот, кто знаком с тонкостью структур таких образований как сновидение, не будет поражен, если обнаружит, что желание — отец мог бы занять место искушающего мужчины — приводит к воспоминанию не любого материала из детства, а как раз такого, что даже интимнейшие факты служат подавлению этого искушения. Если Дора чувствует себя неспособной отдаться любви к этому мужчине, если вместо этого наступает вытеснение этой любви, то такое решение вряд ли теснее всего связано с каким иным фактором, чем с ее преждевременным удовлетворением и его последствиями — недержанием мочи, катаром и тошнотой. Такая предыстория в зависимости от соответствующего сочетания конституциональных условий может двояко мотивировать поведение в зрелые годы по отношению к любовным запросам. Это или полная, безо всякого сопротивления, доходящая до перверсий, поглощенность сексуальностью или реакция ее отклонения посредством невротического заболевания. Решающее значение для такого исхода у нашей пациентки имели конституция и высота ее интеллектуального и нравственного воспитания.

Я хочу еще обратить особое внимание на то, что мы при анализе этого сновидения нашли доступ к забытым частям патогенно действующих переживаний, которые иным способом не были бы доступны воспоминанию или, по меньшей мере» репродукции. Воспоминание о недержании мочи в детстве было, как оказалось, уже вытеснено. Подробности подстерегания со стороны господина К. Дора никогда не упоминала, они просто ни приходили ей в голову.

Еще некоторые замечания по синтезу этого сновидения. Работа сновидения берет свое начало от послеобеденного времени второго дня, после сцены в лесу, после того, как она заметила, что не может уже закрывать свою комнату. Тут она говорит себе: здесь мне угрожает серьезная опасность, и отныне решает не оставаться одной в доме, а уехать с папой. Это намерение способно сформировать сновидение, так как оно (намерение) продолжает существовать в бессознательном. Там ему соответствует то, что, откликаясь на

него в качестве защиты от актуального искушения, пробуждается инфантильная любовь к отцу. Поворот, который при этом в ней осуществляется, фиксируется и приводит ее к той точке зрения, которая представлена ее сверхценным ассоциативным потоком мыслей (ревность к госпоже К. из-за отца, словно бы она была в него влюблена). В ней борются между собой искушение отдаться ухаживающему мужчине и смешанное сопротивление к этому. Последнее составлено из мотивов благопристойности и рассудительности, из враждебных побуждений, вызванных сообщением гувернантки (ревность, оскорбленная гордость — см. ниже) и из невротического элемента существовавшей в ней части сексуального отвращения, опирающегося на ее детские переживания. Воскрешенная любовь к отцу для защиты от искушения происходит из этих переживаний детства.

Сновидение превращает укорененное в бессознательном намерение сбежать к отцу в одну из ситуаций, которая показывает уже реализованным желание того, чтобы отец спас ее от опасности. При этом одна из стоящих на пути мыслей смещается в сторону, а именно, что, конечно же, отец привел ее к этой опасности. Подавленное здесь враждебное побуждение (склонность отомстить) к отцу мы увидим немного позднее в качестве одного из мотивов второго сновидения.

По условиям формирования сновидения фантазируемая ситуация выбирается так, что она повторяет одну из инфантильных ситуаций. Особенным же триумфом будет то, что если недавнюю, как раз и послужившую поводом для сновидения, ситуацию удастся превратить в инфантильную. Здесь это удается по чистой случайности материала. Так же, как господин К. стоял перед ее ложем и ее будил, делал часто в детстве и отец. Весь поворот ситуации довольно точно символизируется посредством того, что в ней Дора замещает господина К. отцом.

Но отец будил ее в свое время для того, чтобы она не сделала постель мокрой.

Это «мокрое» становится определяющим для дальнейшего содержания сна, в котором оно все же представлено лишь посредством отдаленного намека и его противоположностью

Противоположностью «мокрого», «воды» может запросто стать «огонь», «горение». Та чистая случайность, что отец при прибытии на то место дал возможность проявиться своему страху перед опасностью появления огня, помогает мне сделать вывод, что та опасность, от которой спасает ее отец, является опасностью пожара. На эту случайность и на эту противоположность к «мокрому» опирается выбранная ситуация образа сновидения: горит, отец стоит перед ее кроватью, чтобы будить ее. Это неожиданное действие отца, вероятно, не получило бы такое значение для содержания сновидения, если бы оно так превосходно не согласовывалось с течением ее чувств, видящих в отце помощника и спасителя. Он догадывался об опасности уже в самом начале прибытия и имел на это

полное право! (В действительности же он сам подтолкнул девушку к этой опасности).

В мыслях сновидения на долю «мокрого» вследствие легко выявляемых отношений выпадает роль узлового пункта для нескольких кругов представлений. «Мокрое» принадлежит не только недержанию мочи, но и кругу мыслей, касающемуся сексуального искушения, оказавшегося подавленным содержанием сновидения. Она знает, что и при сексуальном сношении имеется что-то мокрое, что при совокуплении мужчина дарит женщине что-то жидкое в форме капель. Она знает, что как раз в этом и состоит опасность, что ей поставлена задача охранять гениталии от орошения.

«Мокрым» и «каплями», одновременно, открывается другой круг ассоциаций, касающихся тошнотворного катара, который вероятней всего имел в ее более зрелые годы то же самое постыдное значение, как и недержание мочи в детстве. «Мокрое» здесь равнозначно «загрязненному». Гениталии, которые должны держаться в чистоте, конечно, загрязняются таким катаром, впрочем, в такой же степени у мамы, что и у нее (смотрите выше). Кажется, она понимает, что чрезмерное пристрастие мамы к чистоте является реакцией на эту загрязненность,

Оба этих круга встречаются вместе в одном: мама получила и то, и другое от папы, и сексуальную влагу, и загрязняющий Fluor. Ревность к маме является неотделимой от круга мыслей, относящихся к инфантильной любви к отцу, вызванной здесь в защиту от другого мужчины. Способности к проявлению такой материал еще не имеет. Но если можно найти какое-либо воспоминание, которое с обоими кругами «мокрого» состоит в подобных тесных отношениях, не соприкасаясь с непристойным, то тогда оно может взять на себя представительство в содержании сновидения.

Одно из таковых находится в, данности «капель», которые мама желает себе к качестве украшений. По-видимому, связь этой реминисценции с обоими кругами, представленными сексуальной влагой и загрязненностью, является внешней, поверхностной, опосредованной словами, так как слово «капли» применяется как «смена», как двусмысленное слово, а «украшение» во многом как «чистое», несколько навязанная противоположность «загрязненному». В действительности доказуемы прочнейшие содержательные связи. Это воспоминание происходит от материала, касающегося инфантильно укорененной, но продолжающейся и далее ревности к маме. Посредством обоих этих словесных мостов все значения, наслоившиеся на представления о сексуальном сношении между родителями, о заболевании Fluor и о мучительном наведении чистоты мамой, переводятся на реминисценцию о «драгоценных каплях».

Все же в содержании сновидения должен осуществиться и еще один сдвиг. Не «капли», близкие первоначальному «мокрое», а отдаленная «драгоценность» добивается появления в сновидении. Таким образом, включение этого элемента в уже зафиксированную

ситуацию сновидения могло бы обозначать следующее: мама еще хочет спасти свою драгоценность. В новом контексте со «шкатулкой для драгоценностей» теперь заявляют о своем влиянии элементы, подлежащие кругу искушения господином К. Господин К. подарил не драгоценности, а лишь «шкатулку» для них, представительство всех наград и нежностей, за которые она должна быть сейчас благодарна. А возникшая сейчас комбинация слов «шкатулка для драгоценностей» имеет еще и особую замещающую ценность. Не является ли «шкатулка для драгоценностей» распространенным образом для незапятнанных, девственных женских гениталий? И что же, с другой стороны, может ли иное какое-нибудь безобидное слово таким же образом превосходно подходить для того, чтобы в равной Степени удачно как обозначать, так и скрывать сексуальные мысли сновидения?

Так, в самом сновидении в двух местах появляется мамина «шкатулка для украшений», и элемент этот замещает упоминание инфантильной ревности, капель, то есть сексуальной влаги, загрязненности из-за Fluor и, с другой стороны, актуальных сейчас искушающих мыслей, стремящихся к взаимной любви и представляющих собой предстоящую — желаемую и угрожающую — сексуальную ситуацию. Элемент «шкатулка для драгоценностей» как никакой иной является результатом процессов сгущения и смещения, а кроме того, компромиссом противоположных душевных течений. На его множественное происхождение — как из инфантильных, так и из актуальных источников — хорошо намекает его двойное появление в содержании сновидения.

Это сновидение является реакцией на свежее, возбуждающе подействовавшее переживание, которое неизбежно должно было пробудить воспоминание об особом аналогичном переживании в более ранние годы. Это сцена с поцелуем в лавке, после которого появилась тошнота. Но та же самая сцена можете стать доступной и из другого пункта, исходя из круга мыслей, относящихся к катару (см. выше), и из актуального искушения! Таким образом, она поставляет для содержания сновидения собственный вклад, напоминая о существовавшей ранее ситуации. Горит... поцелуй, наверное, пахнет дымом, то есть она чувствует дым в содержании сновидения, что продолжается затем и после пробуждения.

К сожалению, по невнимательности я упустил в анализе этого сновидения одну деталь. Отцу была вложена в уста фраза: «Я не хочу, чтобы оба моих ребенка (здесь неплохо еще добавить подсказку со сторону мыслей сновидения: из-за последствий мастурбации) погибли». Таковые фразы постоянно составляемы из частей реальной, произнесенной или услышанной, речи. Здесь я должен бы был выявить реальное происхождение этой фразы. Хотя в результате такой работы строение сновидения и стало бы запутаннее, но в то же время, конечно же, это позволило бы увидеть его яснее.

Нужно ли считать, что это сновидение тогда в Л. имело точно то самое содержание,

как и при его повторении во время лечения? Это совершенно не обязательно. Опыт показывает, что люди часто утверждают, что у них был тот же самый сон, в то время как на самом деле отдельные явления возвратившегося сна отличаются многочисленными деталями, и, вообще, появляются значительные изменения. Так одна из моих пациенток сообщает, что сегодня опять ей приснился постоянно в одной и той же манере возвращающийся любимый сон, что она плавает в синем море, с удовольствием отдаваясь волнам, и так далее. Ближайшее его исследование показывает, что на этот общий фундамент один раз та, другой раз эта деталь накладывают свой неизгладимый отпечаток. Так, один раз она плыла в замерзшем море между айсбергами. Другие же сновидения, которые она сама больше уже не пыталась выдать за те же самые, оказываются тесно связанными с этими, возвращающимися. Например, она видит на одной из фотографий в реальных размерах одновременно нижний и верхний Гельголанд[9], на море корабль, на котором находятся два ее знакомых юноши, и так далее.

Конечно же, это появившееся во время лечения сновидение Доры — возможно даже без изменения своего явного содержания — приобрело новое актуальное значение. Среди своих сновидческих мыслей оно включало и отношение к моему лечению, и соответствовало появлению тогдашнего намерения избежать опасности. Если действительно отсутствовало какое-либо искажение воспоминания с ее стороны, когда она утверждала, что ощущала дым после пробуждения уже в Л., то нужно признать, что мое высказывание «Нет дыма без огня» она очень ловко привнесла в уже готовую форму сновидения. Здесь оно (высказывание), по-видимому, применяется для сверхдетерминации последнего элемента. Было явно чистой случайностью, что последний актуальный повод — закрытие матерью столовой, из-за чего брат оказался запертым в своей спальне — позволил создать привязку к преследованию господина К. во время пребывания в Л., где созрело ее решение после того, как она не смогла закрыть свою спальню. Возможно, что в тогдашних сновидениях еще не было брата, так что высказывание «оба моих ребенка» добилось места в содержании сновидения лишь после последнего повода.]

[9] Германский остров в Северном море.

III. ВТОРОЕ СНОВИДЕНИЕ

Спустя несколько недель после первого появилось второе сновидение, по завершении работы с которым лечение было прервано. Второе сновидение не удалось сделать таким же всесторонне ясным как первое, но и оно привело к желательному подтверждению ставшей необходимой гипотезы о душевном состоянии пациентки, заполнило один из пробелов в памяти и позволило глубоко понять возникновение одного из ее симптомов.

Дора рассказала: Я иду гулять в какой-то город, который я совсем не знаю, вижу улицы, и площади, которые мне совсем незнакомы. [К этому позже важное дополнение; На одной из площадей я вижу монумент.] Затем я захожу в дом в котором живу, иду в мою комнату и нахожу там письмо мамы. Она пишет: Так как я, не предупредив родителей, исчезла из дома, она не захотела мне писать, что папа заболел. Сейчас он умер, и если ты хочешь [к этому дополнение; при этом слове стоял вопрос: хочешь?], то можешь вернуться. Теперь я иду на вокзал и спрашиваю, наверное, раз сто, где находится вокзал? И всегда получаю один и тот же ответ: в пяти минутах. Затем я вижу перед собой густой лес, в который вхожу и задаю тот же вопрос встреченному мною мужчине. Он говорит мне: Еще два с половиной часа. [во второй раз она повторяет; два часа.] Он предлагает мне свое сопровождение. Я не соглашаюсь и иду одна. Перед собой я вижу вокзал, но не могу туда попасть. При этом появляется привычное чувство страха, характерное для сновидений, где невозможно продвинуться дальше. Затем я дома, в промежутке я должна была ехать, но об этом я ничего не помню. Вхожу в швейцарскую и спрашиваю у него о нашей квартире. Служанка открывает мне и говорит: «Мама и все остальные уже на кладбище». [К этому два дополнения на следующем сеансе: Я особенно отчетливо вижу себя поднимающейся по лестнице; после ее ответа я иду, но совершенно без тени печали, в мою комнату и читаю большую книгу, лежащую на моем письменном столе.}

Толкование этого сновидения не обошлось без трудностей. Вследствие своеобразных, связанных с его содержанием обстоятельств, в которых мы прекратили анализ, не все стало ясным, и с этим опять же связано то, что моя память последовательности событий оказалась не везде в равной степени надежной. Предварительно я еще скажу, какая тема выявилась на продвигавшемся вперед анализе, когда появилось это сновидение. Начиная с определенного времени, Дора сама ставила вопросы о связи ее действий с предполагаемыми мотивами. Один из этих вопросов был таков: «Почему после сцены на озере я молчала об этом в первые дни?» Второй: «Почему затем я неожиданно рассказала об этом родителям?» Я вообще посчитал что, то что она из-за ухаживаний К. почувствовала себя настолько сильно.оскорбленной, нуждается еще в своем объяснении, к тому же здесь я наконец-то начал догадываться, что ухаживания за Дорой и для господина К. вовсе не означали какую-

нибудь легкомысленную попытку соблазнения. То, что об этом происшествии она поставила в известность родителей, я истолковал как действие, уже находящееся под влиянием болезненной мстительности. Нормальная девушка, по моему мнению, сама бы справилась с таким положением дел.

Итак, я приведу материал, который появился в анализе этого сновидения, в довольно пестром порядке, так как он появился в моей памяти.

Она блуждает одна в каком-то чуждом городе, видит улицы и площади. Она уверяет, что это определенно не Б., что я вначале предполагал, а город, в котором она никогда не была. Были все основания продолжать дальше: Вы могли, конечно же, уже где-то видеть образы или фотографии, которые появились у Вас в сновидении. После этого замечания Дора сделала дополнение о монументе и тотчас вслед за этим догадалась и о его источнике. К рождественским праздникам она в подарок получила альбом с городскими достопримечательностями одного из немецких курортов и как раз его искала вчера, чтобы показать родственнику, гостившему у нее. Альбом лежал в одной из коробок с картинами, которая не сразу нашлась. Она спросила у мамы: «Где находится эта коробка?» [В сновидении она спрашивает: Где находится вокзал? Из такого сближения я пришел к выводу, о котором расскажу несколько позже.] Одна из картинок показывает площадь с монументом. Подарившим был молодой инженер, мимолетное знакомство с которым она однажды завязала в фабричном городке. Молодой мужчина устроился на работу в Германию, чтобы быстрее добиться самостоятельности, использовал любую возможность, чтобы напомнить о себе, и легко было разгадать, что он намеревался в свое время, когда улучшится его положение, сделать Доре серьезное предложение. Но для этого еще нужно время, необходимо было ждать.

Прогуливание по чужому городу было сверхдетерминировано. Оно напомнило об одном из дневных событий. На праздничные дни в гости приехал подросток-кузен, которому она должна была тогда показать Вену. Конечно, этот дневной повод был абсолютно незначительным. Но кузен напомнил ей о коротком первом пребывании в Дрездене. Тогда в качестве иностранки она бродила везде, естественно, не упустила случая посетить знаменитую галерею. Другой кузен, который был с ними и хорошо знал Дрезден, хотел быть экскурсоводом по галерее, но она отказала ему и, пошла одна, останавливаясь перед картинами, которые ей понравились. Возле «Сикстинской Мадонны» она в тихо грезящем восхищении провела целых два часа. На вопрос, что ей так сильно понравилось в этой картине, она не могла сказать ничего ясного. Наконец, она выговорила: «Мадонна».

Конечно же, эти ассоциации действительно принадлежат к материалу, образующему сновидение. Они включают и такие части, которые мы в неизменном виде находим в содержании сновидения (она отказала ему и пошла одна — два часа). Я уже заметил, что

«картины» являются узловым пунктом в ткани мыслей этого сновидения (картины в альбоме — картины в Дрездене). И тему мадонны, девственной матери, я хотел бы исследовать более основательно. Но я, прежде всего, вижу, что в этой первой части сновидения она идентифицируется с молодым мужчиной. Он блуждает на чужбине, он стремится достичь определенной цели, но вынужден пока откладывать свое решение, он нуждается в терпении, он должен ждать. Если при этом она думала о том инженере, то, конечно же, этой целью должно быть обладание женщиной, ее собственной персоной. Но вместо этого этой целью был вокзал, который мы, конечно же, можем заменить на коробку (соответственно, вопрос в сновидении — на действительно сделанный вопрос). Коробка и женщина — это совпадает уже лучше.

Она спрашивает, наверное, сотню раз... Это приводит к другому, менее безразличному поводу сновидения. Вчера после званого вечера отец попросил ее принести коньяк. Он не может заснуть, если не выпьет коньяка. Она попросила ключ от шкафа в столовой у матери, но та была увлечена каким-то разговором и ничего ей не ответила, пока она не выкрикнула в нетерпении: «Я уже сто раз у тебя спросила, где ключ». В действительности, естественно, она повторила этот вопрос только около пяти раз. [В сновидении это число стоит при указании времени: пять минут. В моей книге о толковании сновидений я на нескольких примерах показал, каким образом применяет сновидение появляющиеся числа в мыслях сновидения; часто их находишь вырванными из явных отношений в сновидении и включенными в новые связи.]

Где ключ? является для меня как бы мужским противовесом к вопросу: где та коробка? (см. первый сон.) Итак, это вопросы — о гениталиях.

На том же самом собрании родственников кто-то произнес тост за папу и выразил надежду, что он еще долго будет в лучшем здравии и т.д. При этом все измученное тело отца так своеобразно вздрогнуло, что она поняла, какие мысли он подавлял. Бедный больной мужчина! Кто мог знать, как долго еще ему предназначено судьбой жить.

Тем самым мы пришли к содержанию письма в сновидении. Отец умер, она самовластно удалилась от дома. При разговоре о письме в сновидении я тотчас напомнил ей о прощальном письме, которое она написала родителям или, по меньшей мере, им предназначала. Это письмо предназначалось для того, чтобы привести отца в ужас, чтобы он отказался от госпожи К., или, по меньшей мере, для того, чтобы отомстить ему, если он не пойдет на это. Здесь мы находимся у темы ее смерти и смерти ее отца (позднее — кладбище в сновидении). Ошибемся ли мы, если посчитаем, что ситуация, которая образует фасад сновидения, соответствует фантазии о мести отцу? Сострадающие мысли за день до этого хорошо бы согласовались с этим. Но фантазия гласит: «Она уходит из дома на чужбину, а отец должен умереть из-за такого горя, разбив свое сердце от тоски по ней». Тогда она была

бы отмщена. Конечно же, она очень хорошо понимала, чего не хватает отцу, который не может сейчас заснуть без коньяка. [Несомненно, сексуальное удовлетворение является лучшим снотворным, как и бессонница почти всегда возникает как следствие неудовлетворенности. Отец не спит, так как у него нет полового сношения с любимой женщиной. Сравним с этим следующее далее: я ничего не испытываю от моей жены.]

Мы хотим отметить мстительность как новый элемент для последующего синтеза мыслей сновидения.

Но содержание письма должно допускать в другие мотивы. Откуда произошло добавление: если ты хочешь?

Здесь ей пришло в голову, что за словом «хочешь» стоял вопросительный знак, и тут она узнала, откуда эти слова. Это была как бы цитата из письма госпожи К., содержавшего приглашение в Л. (на озеро). В этом письме вопросом: если ты хочешь поехать? Вопросительный знак совершенно поражающим образом стоял в середине конструкции предложения.

Здесь мы, следовательно, вновь оказались у сцены на озере и при загадках, связанных с нею. Я попросил пациентку рассказать мне еще раз подробно эту сцену. Вначале она привела не слишком-то много нового. Господин К. намеревался сказать что-то очень серьезное. Но она не позволила ему высказаться до конца. Как только она поняла, о чем идет речь, она ударила его по лицу и поспешила прочь. Я хотел знать, какие слова он использовал. Она помнила только его мотивы: «Вы же знаете, что я ничего не испытываю от моей жены». [Эти слова приведут к решению одной из наших загадок.] Затем, чтобы не встречаться больше с ним, она захотела вернуться в Л. пешком вокруг озера и спросила одного из встреченных ею мужчин, как далеко ей туда идти. После его ответа: «Два с половиной часа», — она отказалась от этого намерения и вновь подыскала судно, которое вскоре после этого отчалило. Господин К. опять же был здесь, приблизился к ней, попросил извинить его и ничего не рассказывать об этом происшествии. Но она не дала ему никакого ответа. Конечно, лес в сновидении очень схож с лесом на берегу озера, рядом с которым как раз и разыгралась эта по-новому описанная сцена. Но точно такой же густой лес она видела вчера на одной из картин на выставке общества австрийских художников. На заднем фоне этой картины видны были нимфы. [Здесь в третий раз: картина (картины городских достопримечательностей, галерея в Дрездене), но в гораздо более значительной связи. Посредством того, что в ней видят, она становится простой бабой (лес, нимфы).]

Сейчас у меня появилось подозрение. Хотя вокзала [Впрочем,, «вокзал» служит предвидением «сношения». Психологическая маскировка в виде страхов перед железной дорогой] и кладбища на месте женских гениталий было вполне достаточно, мое обостренное

внимание было направлено на подобно образованное «преддверие»[10], анатомический термин для определенной части женских гениталий. Но это могло бы быть и остроумным заблуждением. Теперь, когда сюда добавились еще и нимфы, которые виднеются на заднем фоне «густого леса», больше уже не может быть сомнения. Это была символическая сексуальная география! Нимфами называют, как известно врачам, но не дилетантам, а, впрочем, и среди первых не очень-то широко, малые губы на заднем фоне «густого леса» из волос срамных губ. Но тот, кто использовал такие технические названия как «преддверие» и «нимфы», тот должен был черпать свои знания из книг, и именно не из популярных, а из анатомических учебников или из какого-нибудь энциклопедического словаря, обычного прибежища снедаемых сексуальным любопытством подростков. Таким образом, за первой ситуацией сновидения скрывалась, если это толкование было верным, фантазия о дефлорации, как какой-то мужчина старается проникнуть в женские гениталии. [Эта фантазия о дефлорации является второй составной частью этой ситуации. Подчеркивание трудности в продвижении вперед и ощущаемый в сновидении страх указывают на охотно выделяемую девственность, намек на которую мы находим в другом месте посредством «Сикстинской Мадонны». Эти сексуальные мысли выдают бессознательный фон для удерживаемых, вероятно, в тайне желаний, которые связаны с далеким женихом в Германии. В качестве первой составной части той же самой ситуации сновидения мы познакомились с фантазией мести, обе фантазии не полностью совпадают друг с другом, а лишь частично. Следы еще более значительного третьего ассоциативного потока мыслей мы отыщем позднее.]

Я сообщил ей мои выводы. Впечатления от них должны были быть очень значительными, так как тотчас вслед за этим у нее появляется забытый кусочек этого сновидения: что она спокойно [В другой раз она вместо «спокойно» сказала «совершенно без тени печали» (см. выше). Я могу рассматривать этот сон как новое доказательство правильности одного из содержащихся в «Толковании сновидений» утверждений, что забываемые вначале и вспоминаемые лишь позднее части сновидения, всегда являются наиболее важными для понимания сновидения. Там же я делаю вывод, что и забывание сновидений нуждается в объяснении посредством внутрипсихического сопротивления.] Идет в свою комнату и читает большую книгу, которая лежит на ее письменном столе. Здесь выделяются обе детали: спокойно и большая, когда говорится о книге. Я спросил: та книга была величиной с энциклопедию? Она подтвердила. Только дети все же никогда не читают в энциклопедиях запрещенный материал спокойно. Они дрожат и опасаются при этом, и

---

[10] Все эти слова-символы имеют в качестве главного корня одно и то же немецкое слово Hof (двор): Bahnhof (вокзал), Friedhof (кладбище), Vorhof (преддверие).

боязливо осматриваются, не пришел ли кто. При таковом чтении родители серьезно стоят на пути. Но реализующая желания сила сновидения основательно улучшила неприятную ситуацию. Отец был мертв, да и остальные уже уехали на кладбище. Она могла спокойно читать все, что ей хотелось. Не должно ли это означать, что одним из мотивов ее мести было возмущение диктатом родителей? Если отец был мертв, тогда она могла читать или любить так, как она хотела. Вначале она вообще не могла припомнить, что когда-либо читала энциклопедический словарь, затем она призналась, что одно из таких воспоминаний у нее появилось, конечно же, относясь к безобидному содержанию. Ко времени, когда любимая тетка была тяжело больна и уже решилась на поездку в Вену, от другого дяди пришло письмо, что они не могут ехать в Вену, так как один из детей, то есть кузен Доры, опасно болен аппендицитом. Тогда она отыскала в словаре, каковы симптомы аппендицита. Из того, что она прочитала, она еще может вспомнить особое расположение боли в теле.

Теперь я вспоминаю, что вскоре после смерти тети она перенесла в Вене мнимый аппендицит. До сих пор я не мог и представить, что это заболевание нужно причислить к ее истерическим достижениям. Она рассказала, что в первые дни у нее была очень высокая температура (жар) и она ощущала в животе те же самые боли, о которых прочитала в словаре. Ей прописали холодные обертывания, но она не могла их переносить. На второй день на фоне сильных болей начался период, для которого вообще с начала ее заболевания было характерно полное отсутствие стабильности. Тогда же она хронически страдала от запоров.

Но было бы несправедливо рассматривать это состояние как чисто истерическое. Хотя, несомненно, может появиться и истерический жар, все же кажется необоснованным отнесение жара, этого спорного заболевания, к истерии, а не к какой-либо органической, действовавшей тогда причине. Я хотел уже отказаться от этого неопределенного признака, как вдруг дальше она помогла себе сама, внеся последнее дополнение к сновидению. Она видит себя особенно отчетливо поднимающейся по лестнице.

Естественно, что для этого я нуждаюсь в особой детерминации. Ее, конечно, не принимаемое серьезно в расчет возражение, что она же должна подняться по лестнице, если она хочет оказаться в своей, расположенной выше квартире, я смог легко опровергнуть замечанием. Если она в сновидении приезжает из чужого города в Вену и при этом может обойтись без поездки по железной дороге, то она так же легко может опустить в сновидении и ступени лестницы. Затем она рассказывала дальше: после аппендицита она не могла хорошо ходить, так как она волочила за собой правую ногу. Так продолжалось довольно долго, и потому она старалась избегать лестниц. И сейчас еще иногда ее походка оставляет желать лучшего. Врачи, консультировавшие ее по настоянию отца, были очень удивлены этим совершенно необычайным последствием аппендицита, тем более, что боль в теле уже

больше не появлялась и ни в коем случае не сопровождала волочение ноги. [Болезненность живота, получившая название «яичник», и нарушение походки из-за ноги, расположенной на той же стороне тела, заставляют признать их соматическую этиологию. Но у Доры нужно допустить еще особое специализированное толкование, то есть психическое наслоение и использование. См. аналогичное замечание при анализе симптомов кашля и связи катара и потери аппетита.]

Таким образом, это действительно был истерический симптом. Даже если жар и был органически обусловлен — например, из-за очень частых заболеваний гриппом без особой локализации — то можно было бы быть уверенным, что невроз воспользовался этим случаем, чтобы использовать его для своих целей. Таким образом, Дора создала себе одну из болезней, о которой прочитала в словаре, наказала себя за это чтение и должна была затем увериться, что это наказание не могло быть за чтение безобидной статьи, заболевание появилось посредством смещения, после того как к этому чтению присоединилось что-то другое, более наполненное виной, что скрывается сегодня от воспоминания за одновременно произошедшим безобидным событием. [Совершенно типичный пример возникновения симптомов из поводов, с виду как бы ничего общего с сексуальным не имеющих.] Вероятно, еще возможно исследовать, какие темы заинтересовали её больше всего.

Но что же означало состояние, пытавшееся скопировать аппендицит? Последствие этого заболевания, говорящее скорее против него, а именно, волочение одной из ног, должно лучше объясняться тайным, например, сексуальным значением болезни и могло бы со своей стороны; если его достаточно прояснить, пролить свет на это искомое значение.

Я пытался найти доступ к этой загадке. В сновидении несколько раз упоминался фактор времени. Действительно, время не является безразличным для любого биологического процесса. Итак, я спросил, когда случился этот аппендицит, ранее или позднее сцены на озере. Быстрым, одним ударом разрешающим все трудности, ответом было: девять месяцев спустя. Этот срок хорошо известен. Таким образом, мнимый аппендицит реализовал фантазию родов посредством своих скромных средств, находящихся в распоряжении пациентки, болей и кровотечения из-за месячных. [Я уже дал понять, что большая часть истерических симптомов, если они добились своей полной завершенности, изображают фантазируемую ситуацию сексуальной жизни, то есть сцену полового акта, беременности, родов, послеродового периода и тому подобное.] Естественно, что она знала о значении этого срока, и не могла отрицать возможность того, что тогда же она читала в словаре о беременности и родах. Но что же было с волочащейся ногой? Сейчас я попытаюсь отгадать. Так ходят, если оступились. То есть, она сделала «неправильный шаг», и это совершенно верно, так как девять месяцев спустя после сцены на озере она смогла разрешиться. Здесь я должен выставить и другое требование. Такие симптомы — по моему

убеждению — можно получить лишь тогда, когда есть для них инфантильный прообраз. Воспоминания впечатлений более позднего времени, как я твердо установил на основании моего предыдущего опыта, не обладают силой, достаточной для формирования в симптом. Я вряд ли мог надеяться, что она вспомнит желательный для меня материал из детских лет, так как в действительности я еще не мог публично выставить вышеприведенную фразу, в которую я серьезно верил. Но подтверждение здесь пришло тотчас. Конечно же, однажды она оступилась именно на эту ногу. Во время проживания в Б. при опускании по лестнице она подскользнулась на ступеньке. Нога, а это была именно та же нога, которую она позже волочила, напухла, должна была быть бандажирована. Несколько недель ребенок вынужден был лежать. Это было незадолго до нервной астмы на восьмом году жизни.

Теперь важно обнаружить следствия этой фантазии: если Вы через девять месяцев после сцены на озере разрешились родами и затем несете на себе до сегодняшнего дня последствия этого ошибочного шага, то это доказывает, что в бессознательном Вы глубоко раскаиваетесь в исходе сцены. Вы, следовательно, исправляете его в Вашем бессознательном мышлении. Предпосылкой для Вашей фантазии о родах, конечно же, является то, что тогда что-то произошло [фантазия о дефлорации находит, следовательно, свое применение к господину К., и становится ясно, почему та же самая часть в содержании сновидения содержит материал из сцены на озере (отклонение, два с половиной часа, лес, приглашение в Л.)], что Вы тогда пережили и познали все то, что позднее Вы нашли в словаре. Вы видите, что Ваша любовь к господину К. не заканчивается той сценой, что она, как я утверждал ранее, продолжается и по сегодняшний день, конечно, для Вас бессознательно. Этому она уже больше не возражала. [Некоторые дополнения к предыдущим толкованиям: «мадонной» очевидно является она сама, во-первых, из-за «поклонника», который прислал ей книгу с картинками, затем, потому, что любовь господина К. она, получила, главным образом, из-за материнской позиции по отношению к его детям и, наконец, потому, что она еще девушкой уже имела ребенка в своих фантазиях о родах. Впрочем, «мадонна» является и излюбленным спасительным образом, если девушка находится под прессом обвинения в сексуальной испорченности, что, конечно же, соответствует и Доре. Первое представление о таковой связи я получил, работая врачом психиатрической клиники, в одном из случаев галлюцинаторной спутанности с быстрым течением, которая появилась как реакция на упрек со стороны жениха. При продолжении анализа, вероятно, была бы в качестве неясного, но мощного мотива ее действий открыта сильная материнская тоска по ребенку. — Многие вопросы, которые она подняла в последнее время, являются как бы поздними отголосками вопросов, связанных с сексуальным любопытством, которое она пыталась удовлетворить посредством словаря. Нужно признать, что ей удалось раскопать сведения о беременности, родах, девственности и тому подобном. — Один из таковых вопросов, который нужно

включить в контекст второй ситуации сновидения, она забыла, рассказывая сон. Это могло быть только вопросом: Здесь ли живет господин...? или Где живет господин...? То, что она забыла этот, по-видимому, безвинный вопрос, после того, как он вообще появился в ее сновидении, должно иметь свою причину. Я нахожу мотив для этого в фамилии господина К., которая одновременно обозначает и предмет, а именно, с несколькими значениями, то есть может приравниваться к «двусмысленному» слову. К сожалению, я не могу тут привести эту фамилию для того, чтобы показать, насколько умело она была использована для обозначения «двусмысленного» и «непристойного». Такое толкование легко подтвердить, так как и в другой части сновидения, там, где появляется материал, касающийся» воспоминаний о смерти тети в предложении «Они уже уехали на кладбище» мы также находим в словах намек на фамилию тети. В этих непристойных словах, наверняка, лежит указание на другой устный источник, так как здесь уже недостаточно словаря. Я бы не удивился, если бы услышал, что таковым источником была сама госпожа К., клеветница. Тогда Дора великодушно пощадила именно ее, в то время как других лиц она преследовала, доходя почти до коварной мести. За почти необозримым рядом сдвигов, которые проявлялись таким образом, можно было бы предполагать простой мотив, а именно глубоко укорененную любовь к госпоже К.]

Эта работа, направленная на понимание сновидения, продолжалась два сеанса. Когда я после окончания второго сеанса выразил мою удовлетворенность достигнутым, она пренебрежительно ответила: «Здесь что же, многого достигли?», — и этим приблизила меня к последующим открытиям.

Третий сеанс она начала словами: «Господин доктор, знаете ли Вы, что сегодня я здесь в последний раз». Я не мог этого знать, так как об этом Вы ничего мне ранее не говорили. «Да, я решила, что до Нового года [это было 31 декабря] я еще выдержу это. А дольше я не желаю ждать излечения». Вы знаете, что в любое время вольны прервать лечение. Но сегодня мы еще хотим поработать. Когда Вы приняли такое решение? «Я думаю, Дней 14 назад». Это звучит, конечно, точно так же, как предупреждение какой-либо служанке, какой-нибудь гувернантке об увольнении за 14 дней. «Когда я тогда посетила К. на озере в Л., у них была уволена одна из гувернанток». Вот как? О ней Вы ни разу не упомянули. Пожалуйста, расскажите.

«Итак, в доме в качестве гувернантки детей жила молодая девушка, которая проявляла совершенно особое отношение к господину К. Она не приветствовала его, не отвечала ему, ничего ему не подавала за столом, когда он о чем-нибудь просил. Короче говоря, относилась к нему как к пустому месту. Впрочем, и он был не более вежлив по отношению к ней. За день или два до сцены на озере эта девушка отозвала меня в сторону, сказав, что она должна мне кое-что сообщить. Затем она рассказала мне следующее.

Господин К. на какое-то время, когда госпожа как раз отсутствовала несколько недель, приблизился к ней, очень настойчиво ухаживал за нею и попросил ее услужить ему; он ничего не испытывает от своей жены и так далее»... Это ведь те же самые слова, которые затем он использовал ухаживая за Вами, когда Вы ударили его по лицу? «Да. Она отдалась ему, но спустя короткое время он вообще перестал интересоваться ею, и с того времени она возненавидела его». И эта гувернантка была уволена? Нет. Она сказала мне, что тотчас, как почувствовала себя оставленной, она рассказала об этом событии своим родителям, которые являются порядочными людьми и живут где-то в Германии. Родители потребовали, чтобы она мгновенно оставила этот дом, а когда она не сделала этого, то написали ей, что они не хотят ее больше знать, она не может после этого вернуться домой». И почему она не уехала сразу? «Она сказала, что хочет еще немного подождать, возможно, что-нибудь изменится у господина К. Так жить она долго не сможет». А что потом стало с этой девушкой? «Я знаю лишь, что она ушла». Не забеременела ли она от такого приключения? «Нет».

Здесь, таким образом, — что, впрочем, является совершенно закономерным — в середине анализа выявляется часть фактического материала, которая помогла разрешить ранее поднятые проблемы. Я мог теперь сказать Доре: «Сейчас я знаю мотив той причины, которой Вы ответили на ухаживания. Это не было обидой из-за предъявленного Вам невыполнимого требования, а ревнивая месть. В то время, когда та девушка рассказала Вам свою историю, Вы еще хорошо могли использовать Ваше искусство устранять все, что не соответствовало Вашим чувствам. В тот же момент, когда господин К. использовал слова: «Я ничего не испытываю от моей жены», сказанные им ранее девушке, в Вас были разбужены другие чувства, и чаши весов вышли из равновесия. Вы сказали себе: он умудряется обращаться со мной, как с какой-то гувернанткой, прислуживающим лицом? Эта задетая гордость добавилась к ревности и к хорошо осознаваемым мотивам: ну, это уж слишком. [Возможно, не является безразличным и то, что ту же самую жалобу, значение которой она хорошо понимала, жалобу на жену, она могла слышать и от отца, как слышал я сам из его уст.] В качестве доказательства того, что Вы находились под очень сильным впечатлением от истории девушки, я представлю Вам повторяющиеся идентификации с нею в сновидении и в Вашем поведении. Вы сказали родителям то, что мы до сих пор не понимали, так же, как девушка написала об этом своим родителям. Вы уволили меня с 14-дневным извещением как какую-то гувернантку. Письмо в сновидении, позволяющее Вам приехать домой, является противовесом к письму от родителей девушки, которые той запретили это.

«Почему тогда я не сразу рассказала об этом родителям?»

Сколько же времени прошло?

«В последний день июня произошла эта сцена; 14 июля я рассказала об этом

матери».

Итак, опять 14 дней, характерный для обслуживающего персонала срок! Сейчас я могу ответить на Ваш вопрос. Конечно, Вы очень хорошо поняли бедную девушку. Она не хотела уйти сразу, так как еще надеялась, так как еще ожидала, что господин К. опять обратит на нее всю свою нежность. Это должно было быть и Вашим мотивом. Вы выждали определенный срок, чтобы посмотреть, будет ли он заново приступать к своим ухаживаниям. Из этого Вы могли бы заключить, что для него это было чем-то серьезным, и что он не хотел с Вами так же играть, как с гувернанткой.

«В первые дни после отъезда он прислал еще открытку с каким-то видом». [Это привязка к инженеру, который спрятан за образом самой сновидицы в первой ситуации сновидения.]

Да, но как только далее этого ничего не пошло, Вы сразу же дали Вашей мести полный ход. Я даже могу себе представить, что тогда еще было место для тайно лелеемой мысли, а именно, побудить его посредством обвинения к приезду в Ваш дом.

«...Как он вначале нам и предлагал», — заметила она.

Тогда бы исчезла Ваша тоска по нему, — тут она кивнула, подтверждая, чего я никак не ожидал, — и он мог бы предоставить Вам удовлетворение, которого Вы хотели.

«Какое удовлетворение?»

Сейчас я действительно начинаю предполагать, что Вы гораздо серьезнее рассматривали отношения с господином К., чем пытались до сих пор представить. Не часто ли между господином и госпожой К. была речь о разводе?

«Конечно, но вначале из-за детей этого не хотела она, а сейчас желает, но теперь уже он больше не хочет этого».

Не должны ли Вы были думать, что он хочет развестись со своей женой для того, чтобы жениться на Вас? И что он теперь больше не хочет этого, так как у него отсутствует какая-либо замена? Два года назад, конечно. Вы были очень юной, но Вы сами рассказывали мне о маме, что она в 17 лет была обручена и затем два года ждала своего мужа. История любви матери обычно становится образцом для дочери. То есть. Вы тоже хотели ждать его и даже посчитали, что он только ожидает того, чтобы Вы стали достаточно зрелой для его будущей жены. [Ожидание вплоть до того момента, пока не достигается цель, находится в содержании первой ситуации из сновидения. В этой фантазии ожидания увидеть себя невестой я вижу часть третьего, уже заявившего о себе компонента этого сновидения.] Я могу даже представить себе, что это было Вашим серьезным жизненным планом. У Вас вообще нет права утверждать, что таковое намерение было исключено у господина К. Вы даже предостаточно рассказали мне о нем такого, что прямо намекает на такое намерение. [Особенно речь, которою он сопровождал рождественский подарок в виде ящичка для писем

во время последних лет совместного пребывания в Б.] Да и его поведение в Л. не противоречит этому. Вы же не позволили ему высказаться до конца и не знаете, что он хотел Вам сказать. При этом сам план вовсе не кажется совершенно не осуществимым. Отношения папы с госпожой К., которые Вы, вероятно, только потому так долго и поддерживали, дают Вам уверенность, что согласие жены на развод было бы достигнуто, а у папы Вы легко добиваетесь всего того, чего Вы хотите. Конечно, если бы искушение в Л. имело другой исход, то это было бы для всех единственно возможным решением. Я считаю также, что именно из-за этого Вы так сожалели о получившемся плохом исходе и исправили его в фантазии, проявившейся аппендицитом. Таким образом, то, что вместо возобновления ухаживаний результатом Вашей жалобы были отрицание и оскорбление со стороны господина К., должно было стать для Вас тяжелым разочарованием. Вы признаетесь, что ничто другое не может Вас так сильно привести в ярость, как то, что можно поверить, что Вы будто бы придумали сцену на озере. Теперь я знаю, о чем Вы не хотите вспомнить. Вы вообразили себе: это ухаживание всерьез и господин К. не успокоится до тех пор, пока не женится на Вас.

Она слушала, не пытаясь, как обычно, возражать. Она казалась потрясенной, любезно простилась с самыми наилучшими пожеланиями к Новому году и — больше не появилась. Отец, который посетил меня еще несколько раз, уверял, что она еще придет, у нее есть сильное желание продолжать лечение. Но, наверное, он был не до конца искренен. Он поддерживал курс лечения лишь постольку, поскольку у него была надежда на то, что мне удастся «уговорить» Дору, что между ним и госпожой К. нет ничего другого кроме чистой дружбы. Этот его интерес пропал, как только он заметил, что такой результат не входит в мои намерения. Я знал, что она уже больше не появится. Несомненно, актом мести было то, что она так неожиданно, когда мои ожидания на удачное окончание лечения дошли до наивысшей точки, прервала лечение и этим уничтожила мои надежды. Ее тенденция к нанесению себе вреда нашла здесь свое законное место. Тот, кто, подобно мне, пробуждает злейших демонов, которые не до конца усмиренными живут в человеческой груди, и желает их победить, должен знать, что в такой борьбе он сам не останется полностью в стороне. Сохранил ли бы я эту девушку в лечении, если бы я сам принял на себя одну из ролей, которая бы подчеркнула ценность ее присутствия для меня, и проявил бы по отношению к ней живой интерес, который, несмотря на все то смягчение из-за моей врачебной позиции оказался бы чем-то вроде эрзаца для страстно желаемой ею нежности? Я не знаю этого. Так как часть факторов, встречающихся на пути в виде сопротивления, в любом случае остается неизвестной, то я всегда избегал играть роли и ограничивался менее притязательным психологическим искусством. При всем теоретическом интересе и всем врачебном стремлении помочь я все же сдерживаю эмоциональные проявления, чтобы поставить по

необходимости границы для психического внушения, и уважаю как таковые желания и взгляды пациента.

Но я не знаю, достиг ли бы господин К. большего, если бы им было разгадано, что тот удар по лицу ни в коем случае не означал окончательного «нет» Доры, а лишь соответствовал пробужденной под конец ревности, в то время как еще более сильные побуждения ее душевной жизни стояли на его стороне. Если бы он не обратил внимания на это первое «нет» и продолжил бы свои ухаживания с убеждающей страстностью, то результатом легко могло стать то, что увлеченность девушки не посчиталась бы тогда ни с какими внутренними трудностями. Но я думаю, что, возможно, так же легко она была бы доведена до того, чтобы удовлетворить еще сильнее свою месть по отношению к нему. На чью сторону склонится решение в этом споре мотивов, к устранению или к усилению вытеснения, этого никогда нельзя точно подсчитать. Неспособность осуществить реальные требования любви является одной из наиболее существенных черт невроза. Жизнь больных затруднена из-за противоречий между реальностью и фантазией. Они бегут от того, чего наиболее страстно желают в своих фантазиях, когда оно в действительности встречается им. А больше всего они любят отдаваться своим фантазиям там, где им уже не нужно больше опасаться за их реализацию. Барьеры, которые сооружены вытеснением, конечно могут пасть под натиском мощных, вызываемых реальностью переживаний, невроз еще можно преодолеть посредством действительности. Но мы не можем, в общем-то, рассчитать, у кого и посредством чего такое «излечение» было бы возможно. [Еще некоторые замечания о строении этого сновидения, которое не позволяет понять его настолько основательно, чтобы можно было осуществить его синтез. В качестве фасада, выставленного вперед, можно выделить фантазию о мести отцу: она самовольно ушла из дома; отец заболел, потом умер... Она теперь возвращается домой, все остальные уже на кладбище. Она без всякой тени печали идет в свою комнату и спокойно читает словарь. В этом два намека на другой акт мести, который она действительно осуществила, позволив родителям найти прощальное письмо: Письмо (в сновидении от мамы) и упоминание похорон бывшей для нее идеалом тети. — За этой фантазией скрывается акт мести господину К., выход для которой она создала своим поведением по отношению ко мне. «Служанка — приглашение — лес — два с половиной часа», — всё идёт от материала события в Л. Воспоминание о гувернантке и ее переписке со своими родителями с элементом прощального письма Доры сходится с находящимся в содержании сновидения письмом, которое позволяет ей вернуться домой. Отказ от сопровождения себя, решение идти одной, наверное, можно перевести следующим образом: так как ты обошелся со мной как со служанкой, я оставляю тебя, иду одна моим путем и не выхожу замуж. Скрываемый вот такими мыслями о мести, в других местах все же просвечивает материал с нежными фантазиями, вызываемыми бессознательно

продолжающейся любовью к господину К.: я ждала бы тебя, чтобы стать твоей женой — дефлорация — роды. Наконец, уже четвертому, наиболее глубоко запрятанному кругу мыслей, а именно любви к госпоже К., принадлежит то, что фантазии о дефлорации изображаются с позиции мужчины (идентификация с почитателем, пребывающим сейчас на чужбине), и то, что в двух местах содержатся абсолютно явные намеки на двусмысленные речи (здесь ли живет господин Х.) и на письменный источник ее сексуальных познаний (словарь). Жестокие и садистические побуждения находят в этом сновидении свое полное осуществление.]

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя этому сообщению я дал название «Фрагмент анализа», очевидно, что оно неполно в более значительной степени, чем можно было бы ожидать, исходя из его названия. Поэтому было бы неплохо, если бы я попытался объяснить эти пробелы, ни в коем случае не являющиеся случайными.

Целый ряд результатов анализа остался в стороне, так как он из-за внезапного прекращения лечения был или недостаточно хорошо известен, или нуждался в продолжении исследования до какого-то общего вывода. Несколько раз, когда мне это казалось допустимым, я указывал на вероятное продолжение отдельных завязок. Ни в коем случае не являющаяся само собой понятной техника, посредством которой только и можно из сырого материала ассоциаций выявить его чистое содержание в виде ценных бессознательных мыслей, мною вообще здесь полностью обойдена. Остается и тот недостаток, что читатель не сможет убедиться в корректности моего подхода при таком способе изложения. Но я пришел к выводу, что абсолютно невозможно обсуждать заодно и технику анализа, и внутренний контекст какого-либо случая истерии. Для меня это было бы почти невозможным достижением, а для читателя стало бы неусваиваемым. Да и вообще эта техника требует отдельного особого представления, где она должна объясняться посредством многочисленных примеров, взятых из самых разных случаев, а кроме того, она может там совершенно не учитывать полученный результат. Точно так же я не пытался здесь обосновать психологические предпосылки, о которых можно догадаться по моим описаниям психических феноменов. Какое-либо мимолетное обоснование ничего бы не дало; подробное же было бы само по себе уже отдельной работой. Я могу только заверить, что, не будучи обязанным ни одной из известных психологических теорий, я непредвзято подошел к изучению феноменов, которое открывает наблюдение психоневротиков, и что потом я так долго не высказывал своего мнения, пока оно не показалось мне созревшим для

того, чтобы можно было дать отчет о наблюдаемых мной закономерностях. Я вовсе не горжусь тем, что избегаю умозрительных взглядов, хотя материал для наших гипотез приобретен в результате самого широчайшего и кропотливейшего наблюдения. Особенно же решительность моей точки зрения на проблему бессознательного может вызвать недовольство, так как бессознательными представлениями, мыслями и побуждениями я оперирую так, словно бы они были такими же хорошо известными и несомненными объектами психологии, как и все сознательное. Но я уверен в том, что тот, кто решится исследовать ту же самую область явлений именно нашим методом, не сможет обойтись без того, чтобы стать на ту же самую точку зрения, несмотря на все протесты философов.

Те коллеги, которые считают мою теорию истерии чисто психологической и потому неспособной разрешить какую-либо патологическую проблему, наверняка, заметят, читая эту работу, что их упрек, относящийся к особенностям техники, несправедливым образом переносится и на нашу теорию. Чисто психологической является лишь терапевтическая техника. Моя теория ни в коем случае не упускает возможности указать на органический фундамент невроза, хотя она и ищет таковые не в патолого-анатомических изменениях, а пытается ожидаемые химические изменения, не обнаруживаемые пока, временно заместить органическими функциями. По-видимому, никто не может отказать в таковом характере одному из органических факторов — сексуальной функции, в которой я вижу фундамент истерии, как и вообще всех неврозов. Теория сексуальной жизни, как я полагаю, не может быть лишена гипотезы об особых, возбуждающе действующих сексуальных материалах. Интоксикации и абстиненции при использовании определенных хронических ядов, конечно же, находятся в основе всех болезней, с которыми нас знакомит клиника, и, прежде всего, в основе врожденных психоневрозов.

То, что уже сегодня можно сказать о «соматической встречности», об инфантильном ядре перверсий, об эрогенных зонах и бисексуальной предрасположенности, я также не изложил в этой работе подробно, я только выделил места, в которых анализ наталкивался на этот органический фундамент симптомов. Большего и нельзя сделать на отдельно взятом случае. Те же упомянутые выше причины вынудили меня отказаться даже от беглого объяснения этих моментов. Отсюда проистекает мощный довод в пользу новых работ, опирающихся на большое число анализов.

Этой столь несовершенной публикацией я хотел все же достичь двух целей. Во-первых, в качестве дополнения к моей книге о толковании сновидений показать, как это обычно бесполезное искусство может применяться для открытия утаиваемого и вытесненного в душевной жизни. Потому в анализе обоих сообщаемых здесь сновидений учитывается и техника толкования сновидений, которая во многом подобна психоаналитической. Во-вторых, я хотел пробудить интерес к целому ряду отношений,

являющихся для науки на сегодня совершенно неизвестными, так как их можно открыть только применяя этот определенный метод. Об усложненности психических процессов при истерии, одновременности сосуществования различнейших побуждений, взаимосвязи противоположностей, вытеснениях и смещениях и о многом другом, наверное, до конца никто так и не смог догадаться. Подчеркивание Жане идеи фикс, которая перемещается в симптом, ничего другого не означает, как только действительно жалкую схематизацию. Невозможно будет устранить и мысль-догадку, что побуждения, представления, которым не хватает силы дойти до сознания, иначе воздействуют друг на друга, по-другому развиваются и ведут к другим проявлениям, чем те, которые называются нами «нормальными», так как они осознаются. Если все это настолько ясно, то ничто больше не стоит на пути понимания терапии, которая устраняет невротические симптомы посредством того, что она представления первого ряда превращает в нормальные.

Мне надо было также показать, что сексуальность вмешивается не только в качестве лишь один раз появившейся deus ex machina[11] в каком-нибудь месте в ходе характерных для истерии процессов, но и является движущей силой любых единичных симптомов и каждого отдельного проявления какого-либо симптома. Проявления болезни, говоря прямо, являются сексуальной деятельностью больных. Отдельно взятый случай никогда не сможет доказать такой обобщенный, тезис, но я могу лишь опять повторить заново, что я нигде не нашел ничего другого. Сексуальность действительно является ключом к проблеме психоневроза, как и вообще всех неврозов. Тот, кто пренебрегает им, никогда не будет в состоянии открывать. Я ожидаю новых исследований, которые могли бы устранить или ограничить это правило. То, что я до сих пор услышал против, было выражением личного неодобрения или неверия, на что достаточно возражения словами Шарко: «Ca n'empeche pas d'exister».[12]

Этот случай из истории болезни и лечения, фрагмент которой я опубликовал здесь, не подходит и для того, чтобы показать ценность психоаналитической терапии в правильном свете. Не только краткость периода лечения, едва ли составившая три месяца, но и другой присущий этому случаю момент помешали тому, чтобы курс лечения закончился обычно достигаемым, признаваемым больным и его родственниками улучшением, приводящим к более или менее полному излечению. Такие радующие результаты достигаются там, где болезненные проявления поддерживаются лишь внутренним конфликтом между относящимися к сексуальности побуждениями. В таких случаях видишь состояние больного улучшенным в такой степени, в какой удалось перевести патогенный материал в

---

[11] Неожиданно и немотивированно наступившая помощь (лат.).

[12] Это не мешает существовать (фр.).

нормальный для разрешения психических проблем больного. По-другому протекает все там, где симптомы ставятся на службу внешних мотивов жизни, как это и было с Дорой в последние два года. Вы будете поражены и даже можете легко быть сбиты с толку, когда узнаете, что состояние больной не стало заметно лучшим, несмотря на нашу далеко продвинувшуюся работу. В действительности же не все так плохо. Да, симптомы не исчезли во время работы, а лишь спустя некоторое время после нее, когда уже были прерваны отношения с врачом. В действительности же такая отсрочка излечения или улучшения по времени вызывается только личностью врача.

Чтобы сделать понятным такое положение дел, я должен начать несколько издалека. Во время психоаналитического курса лечения задерживается образование новых симптомов, можно даже сказать, что это закономерно. Но продуктивность невроза ни в коем случае не затухает, а начинает создавать особый род чаще всего бессознательных мыслительных образований, которые можно оделить названием «переносы».

Но чем же являются переносы? Это новые издания, копирование побуждений и фантазий, которые должны пробуждаться и осознаваться во время проникновения анализа вглубь с характерным для этого сплава замещением прежнего значимого лица личностью врача. Другими словами: целый ряд более ранних психических переживаний оживает вновь, но не в виде воспоминаний, а как актуальное отношение к личности врача. Имеются такие переносы, которые по содержанию совершенно ничем не отличаются от своего прототипа. Таким образом, это, в контексте нашего сравнения, просто перепечатка, неизмененное переиздание. Другие же осуществляются более искусно, они испытали смягчение своего содержания, сублимацию, как я говорю, и могут осознаваться, когда они откликаются на какую-либо ловко использованную особенность в личности или в отношениях с врачом. Таким образом, это уже не перепечатки, а скорее переработки.

Когда занимаешься теорией аналитической техники, то начинаешь понимать, что перенос является чем-то появляющимся неизбежно. По меньшей мере, в практической работе получаешь убеждение в том, что нет никаких средств для того, чтобы можно было от него уклониться, и что с этим последним творением болезни нужно так же бороться, как и со всеми прежними. Только эта часть работы является во многом гораздо трудней. Толкованию сновидений, извлечению бессознательных мыслей и воспоминаний из ассоциаций больного и другим подобным искусствам переводчика легко научиться, здесь текст поставляет сам больной. И лишь перенос необходимо разгадывать практически самостоятельно, опираясь на незначительные детали и не обвиняя себя за произвол. Но нельзя обходить работу с переносом, так как он применяется для построения всех препятствий, делающих недоступным материал, получаемый в курсе лечения, и потому что ощущение убеждения в верности конструируемых связей вызывается у больного только после устранения переноса.

Врачи были бы склонны считать большим недостатком и без того неудобного метода то, что перенос еще дополнительно увеличивает работу врача посредством создания какого-то нового рода болезненных психических продуктов. Возможно, они даже захотели бы вывести из существования переносов нанесение вреда больному в ходе аналитического курса лечения. И оба раза впали бы в заблуждение. Работы для врача из-за переноса не становится больше; ему может быть совершенно безразлично, будет ли преодолено соответствующее побуждение больного в связи с его (врача) личностью или с личностью кого-то другого. Наш курс лечения не навязывает больному посредством переноса никаких новых усилий, которых бы он не осуществлял также и обычно. Если излечение неврозов появляется и в лечебных учреждениях, где психоаналитическое лечение исключалось, если можно говорить, что истерик излечивается не посредством метода, а посредством личности врача, если обнаруживается определенный вид слепой зависимости и длительной прикованности больного к врачу, освободившему его гипнотическим внушением от его симптомов, то научное объяснение всего этого нужно искать в «переносах», постоянно осуществляемых больными по отношению к врачу. Психоаналитическое лечение не создает переноса, оно лишь открывает его, как и все остальное, скрытое в душевной жизни. Различие проявляется только в том, что в других видах терапии больной спонтанно воскрешает в результате своего лечения лишь нежные и дружеские переносы. Там, где они не могут выявиться, больной уходит, насколько можно быстро, не испытав никакого воздействия от врача, который не стал для него «симпатичным». В психоанализе же, напротив, в соответствии с изменяющейся структурой мотивов, пробуждаются все побуждения, даже враждебные. Посредством осознания они используются для анализа, и этим перенос вновь и вновь уничтожается. Перенос, который рассматривался ранее в качестве наибольшего препятствования для психоаналитического лечения, становится и его самым мощным вспомогательным средством, если всякий раз его удается разгадать и перевести больному. [Дополнение 1923 года. То, что говорится здесь о переносе, находит затем свое продолжение в технической работе о «любви в переносе»; см. статью «Замечания о любви в переносе», 1915 г.]

Я вынужден был сказать о переносе, так как особенности анализа Доры я могу объяснить только этим моментом. То, что составляет его достоинство и позволяет считать его подходящим для первой, вводной публикации, а именно, его особенная очевидность, это же самое прочно связано и с его большим недостатком, приведшим к преждевременному окончанию. Мне не удалось стать вовремя хозяином переноса. Из-за услужливости, с которой Дора во время лечения предоставляла в мое распоряжение часть патогенного материала, я забыл о необходимой предосторожности, «о тщательном поиске первых признаков переноса, каковой она уже подготавливала посредством другой, оставшейся для

меня неизвестной частью того же самого материала. Вначале было совершенно ясно, что в ее фантазиях я замещал отца, несмотря даже на различие в возрасте. И наяву она постоянно сравнивала меня с ним, даже пыталась боязливо выяснить, совершенно ли честен я по отношению к ней, так как отец «всегда предпочитал скрытность и нечистые дела». Когда попозже появилось первое сновидение, в котором она предупреждала о том, что оставит этот курс лечения, как в свое время дом господина К., я должен был стать осторожнее, а ее внимание привлечь к тому, что «сейчас Вы сделали перенос с господина К. на меня. Вы что-то заметили, что позволяет Вам сделать вывод о недобрых намерениях, которые подобны намерениям господина К. (прямо или в какой-нибудь измененной форме), или же Вам что-то пришло в голову относительно меня или стало конкретно известно обо мне, что в такой же степени вызывает у Вас антипатию, как это было ранее в отношениях с господином К.?» Тогда бы ее внимание было направлено на какую-нибудь деталь в нашем общении, в моей личности или в моих отношениях, за которым нечто аналогичное, но несравнимо более важное, касающееся господина К., сохранялось в тайне. А посредством устранения этого переноса анализ получил бы доступ к этому новому, вероятно, подлинному материалу воспоминаний. Но я упустил это первое предостережение, полагая, что еще достаточно времени, так как еще не выявились другие грани переноса и материал этот еще не прочного места в анализе. Так я оказался пораженным переносом. Из-за Х., которым я напоминал ей господина К., она отомстила мне так, как хотела бы отомстить господину К., и оставила меня, веря в то, что обманута и оставлена мною точно так же, как им. Таким образом, одну из существенных частей своих воспоминаний и фантазий она просто отреагировала, вместо того, чтобы репродуцировать их в курсе лечения. Естественно, что я не могу знать, чем было это для Х. Я предполагаю, что оно относилось к деньгам или было ревностью к одной из других пациенток, которая после своего излечения продолжала общаться с моей семьей. Если переносы рано включаются в анализ, то его течение становится неясным и замедленным, однако его прочность тогда лучше предохраняет от неожиданных, непреодолимых сопротивлений.

Во втором сновидении Доры перенос представлен в нескольких явных намеках. Когда она его рассказала, я еще не знал, а узнал лишь спустя два дня, что у нас осталось лишь два часа работы (два сеанса) — то же самое время, которое она провела перед картиной Сикстинской Мадонны, и которое вместе с небольшой корректурой (два часа вместо двух с половиной) она сделала масштабом не пройденного ею пути вокруг озера. Стремление и ожидание в сновидении, относящееся к молодому мужчине в Германии, и ожидания, что господин К. женится на ней, она выразила в переносе еще несколько дней назад. Курс лечения слишком долго длится, у нее не хватит терпения так долго ждать. В то же время в первые недели она показала достаточное понимание относительно моего заявления, что

полное восстановление ее психического здоровья займет примерно один год, и все это без всяких возражений. Отклонение сопровождения в сновидении — ей лучше идти одной, которое также происходит при посещении Дрезденской Галереи, я должен был, конечно, узнать в определенный для этого день. Оно, вероятно, имело такой смысл: так как все мужчины уж слишком гнусны, то лучше для меня вообще не выходить замуж. Это подразумевает месть. [Чем дальше по времени я удаляюсь от окончания этого анализа, тем все более убеждаюсь, что моя техническая ошибка состояла в том, что я упустил время разгадать и сообщить больной, что гомосексуальное (гинекофилическое) любовное влечение к госпоже К. было самым сильным среди всех бессознательных влечений ее душевной жизни. Я должен был разгадать, что не кто иной, как только эта женщина могла быть главным источником ее познаний в сексуальных вещах, та самая личность, которая потом ее обвинила в интересе к таким предметам. Действительно, ведь было слишком странно, что Дора знала все связанное с непристойным и никогда не хотела знать, каким источником она пользовалась. Я должен был исследовать эту загадку, я должен был найти мотив такого особого вытеснения. Тогда второе сновидение выдало бы его мне. Беспощадная мстительность, которой это сновидение дало возможность проявиться, подходила как не что другое для того, чтобы скрыть противоположное устремление, благородство, с которым она прощает предательство любимой подруги и от всех скрывает, что та сама посвятила ее в сексуальные открытия, на знание которых позднее донесла. До признания значимости гомосексуальных устремлений у психоневротиков я часто приходил в тупик при лечении пациентов или попадал в сплошное замешательство.]

Там, где побуждения к жестокости и мотивы мести, уже в самой жизни используемые для сохранения симптомов, переносятся во время лечения на врача, причем, у того не хватает времени, на соотнесение их со своими истинными источниками для отделения от своей личности; там нет никакого чуда в том, что состояние больного не поддается терапевтическим воздействиям. Посредством чего же еще мог бы больной так эффектно мстить, как не показом того, насколько бессильным и неспособным является врач? Все же я не склонен недооценивать терапевтическую ценность даже такого фрагментарного лечения, каковым был случай Доры.

Лишь через 15 месяцев после окончания лечения и этой записи я получил сообщение о состоянии моей пациентки, а с ним и об исходе всего курса лечения. Совершенно неслучайно, 1 апреля (мы знаем, что числа для нее никогда не были безразличными), она появилась у меня, чтобы завершить свою историю и заново попросить помощи. Но одного взгляда на то, как она выглядела, было достаточно, чтобы догадаться, что ничего серьезного за ее просьбой не стояло. Примерно через пять недель после того, как она прекратила лечение, она еще была в «неразберихе», как она сказала. Затем наступило почти полное

выздоровление, припадки стали реже, настроение улучшилось. В мае прошедшего года у супругов К. умер один ребенок, который постоянно прихварывал. Этот печальный случай послужил ей поводом для визита к К. с выражением соболезнования. Она была принята ими так, словно в течение этих последних трех лет ничего не произошло. Она примирилась с ними, осознала свою месть и, к своему удовлетворению, завершила все это дело. Госпоже она сказала: «Я знаю, что у тебя связь с папой», и та ничего не отрицала. Господина она принудила признать оспариваемую им ранее сцену на озере и рассказала об этом оправдывающем ее признании своему отцу. Больше с тех пор она не общалась с той семьей.

Дела ее шли потом очень хорошо вплоть до середины октября, когда вновь появился приступ безголосия, продолжавшийся шесть недель. Пораженный этим сообщением я спрашиваю, был ли для этого повод, и слышу, что этот припадок возник после сильного испуга. Она увидела, как повозка кого-то переехала. В конце концов, оказалось, что несчастье коснулось не кого другого, как господина К. В один из дней она увидала его на улице. Он встретился ей в оживленном месте, остановился перед ней в смущении и вот в такой самозабвенности был сбит на землю повозкой. [Интересное дополнение к обсуждавшимся в моей «Психопатологии повседневной жизни» косвенным попыткам самоубийства.] Впрочем, она убедилась, что он отделался лишь незначительным испугом. В ней до сих пор что-то тихо шевелится, когда она слышит разговоры о связи папы с госпожой К., в отношения которых обычно она больше не вмешивается. Она живет своей учебой, не собираясь выходить замуж.

Мою помощь она искала из-за правосторонней невралгии лица, сохранявшейся сейчас и днем, и ночью. С какого времени? «Ровно четырнадцать дней назад». [См. значение этого срока и его отношение к теме мести в анализе второго сновидения.] Я должен был улыбнуться, так как мог показать ей, что ровно четырнадцать дней назад она прочитала в газете упоминавшее меня сообщение, что она и подтвердила (1902 год). Итак, то, что выдавалось за невралгию лица, соответствовало самонаказанию, раскаянию из-за пощечины, которую она когда-то дала господину К., и из-за мести мне в переносе, тянущемся еще оттуда. Какого вида помощи она хотела добиться от меня, я не знаю, но я обещал простить ей то, что она лишила меня удовлетворения, касающегося более основательного освобождения ее от страданий.

Впрочем, прошли уже годы после этого посещения. С тех пор эта девушка вышла замуж, и именно за того молодого мужчину, если меня не обманывают все те знаки, которые обнаруживаются в ассоциациях в начале анализа второго сновидения. Если первое сновидение обозначает поворот от любимого мужчины назад к отцу, то есть бегство из жизни в болезнь, то второе сновидение, конечно, оповещало, что она отрывается от отца и возвращается к жизни.